

МЕЙВ
БИНЧИ
ЛЕТО
СВЕТЛЯЧКОВ

Яркая история
о любви и ревности.

Sunday Telegraph

The Big Book

Мейв Бинчи

Лето светлячков

«Азбука»

1987

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

Бинчи М.

Лето светлячков / М. Бинчи — «Азбука», 1987 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-33367-3

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) прославилась во всем мире после выхода первого романа «Зажги свечу». Книги Бинчи переведены на десятки языков, их совокупный тираж превышает 40 миллионов экземпляров. Бестселлер «Лето светлячков» – ее третий роман, правдиво описывающий, как в патриархальную Ирландию, подобно урагану, вторгается новое время. 1960-е годы. Овдовевший американец ирландского происхождения переезжает с детьми «на землю своих предков», чтобы на территории заброшенного поместья построить роскошный отель. Местные жители с воодушевлением встречают перемены, ведь этот смелый проект открывает перед ними новые возможности. Радуются даже владельцы паба, расположенного напротив будущего отеля, невзирая на риск потерять клиентов. Но вопреки радужным ожиданиям последствия строительства оказываются разрушительными и разделяют жизнь некогда сонного городка на до и после... Когда книга стала бестселлером, писательница с мужем смогли приобрести дом в дублинском пригороде Долки и назвали его «Коттедж светлячков». В 2008 году на BBC Radio 4 прозвучала трехчасовая постановка романа в шести эпизодах.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-33367-3

© Бинчи М., 1987

© Азбука, 1987

Содержание

Благодарности	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мейв Бинчи

Лето светлячков

Maeve Binchy
FIREFLY SUMMER

Copyright © Maeve Binchy, 1987
All rights reserved

*Ранее роман издавался в двух частях под названиями «Замок мечты. Незванный гость»
и «Замок мечты. Лето моей надежды».*

© Е. А. Кац (наследники), перевод, 2008
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Благодарности

Хочу поблагодарить всех своих друзей за поддержку и ободрение. Особое спасибо вам, Розе Читэм и Крис Грин. А Гордону Снеллу, который сделал мою жизнь такой прекрасной и счастливой, я хотела бы посвятить эту книгу со всей благодарностью и любовью.

Лондон, Дублин, лето 1987 года

Часть первая

Глава 1

Косые солнечные лучи ворвались в окно и осветили барную стойку. Кейт Райан умудрилась вытереть ее тряпкой, одновременно сбрасывая домашние туфли и надевая резиновые сапоги. Она засунула сумку под стойку и открыла дверь на кухню, стремясь удостовериться, что Эдди и Деклан не мучают новую служанку. У девушки были красные глаза и грустное лицо; она тосковала по своей деревне. Если бы Эдди и Деклан показали себя во всей красе, служанка могла бы сбежать обратно. Но чары черепахи были слишком сильны, хотя прошло уже три недели, как она появилась. Дети лежали на животах, кормили черепаху листьями капусты и орали от восторга, когда та принимала угощение.

– Джон, – крикнула она, – спустись в бар! Я должна сходить за реку и посмотреть, что задержало близнецов. Им нужно привести себя в порядок перед концертом, а их и след простыл.

Джон Райан застонал. Поэтическое настроение снова исчезло. Бедняга надеялся побыть час-другой в одиночестве и уделить время собственным стихам.

– Еще минутку, – сказал он, надеясь не упустить мысль.

– Нет, иначе они опоздают. Послушай, возьми с собой бумагу и карандаш. Вряд ли кто-нибудь придет, но за стойкой должен кто-то быть.

Дверь хлопнула, и Джон Райан из окна спальни увидел, что жена бежит к пешеходному мостику напротив пивной. Она перелезла через забор как девчонка, а не женщина за тридцать. Впрочем, летнее платье и резиновые сапоги действительно делали ее похожей на девочку. Кейт шла искать близнецов в развалины дома, который назывался Фернскорт.

Джон вздохнул и спустился в пивную. Он знал, что были трактирщики-поэты, знал, что были люди, писавшие ангельские стихи даже в вонючих окопах. Но он к их числу не относился.

Джон Райан двигался неторопливо. Это был крупный мужчина с пивным брюшком, которое незаметно появилось за годы, проведенные за стойкой. Так же, как и дряблый двойной подбородок. На свадебной фотографии запечатлен другой человек, более худой и энергичный, и все же во внешности Джона еще оставалось что-то мальчишеское. У него были пышная грива песочных волос, лишь слегка тронутых сединой, и густые брови, которым при всем желании не удавалось придать грозное выражение даже тогда, когда близилось время закрытия или Джону сообщали, что его дети совершили очередное хулиганство.

Он часто говорил, что жена со дня свадьбы почти не изменилась. Кейт это нравилось, но она отвечала, что это всего лишь грубая лесть с целью поменьше находиться за стойкой. И все же это была правда. На фотографии была изображена девушка с длинными волнистыми темными волосами, подвязанными белой лентой в тон платью и пальто. В тот сырой дублинский день Кейт выглядела настоящей красавицей; Джон не мог поверить, что она согласилась

переехать к нему в Маунтферн. В отличие от него, за годы работы у Кейт пивное брюшко не появилось. Она часто говорила мужу, что нет закона, который велит пить с каждым, кто тебя угощает, или наливать себе полпинты после каждых шести пинт, проданных другим.

Конечно, такой негласный закон был, но на женщин он не распространялся.

Джон был младшим из семерых детей Райанов и любимцем матери, которая удивилась и обрадовалась его рождению. С его появлением она уверилась в мысли, что ее семья полна. Насколько Джон помнил, его всегда перекармливали, пичкали сладостями и поили газировкой. В юности бег, прыжки и велосипед, на котором он ездил на танцы за несколько миль, позволяли ему сохранять фигуру. Но раздача напитков в баре, перемежающаяся сочинением стихов, подвижности не способствует.

Джон не знал, хочет ли, чтобы сыновья унаследовали его профессию. Он возлагал на них большие надежды, желал, чтобы мальчики немного увидели мир и поступили в университет. Поколение его родителей об этом и не мечтало. Их главной заботой было то, чтобы дети хорошо устроились в эмиграции. Конечно, церковь оказывала немалую помощь: из семьи Райанов вышли две монахини и два священника. Но детей самого Джона религия не прельщала. Майкл был мечтательным и задумчивым; из него вышел бы хороший отшельник. А из энергичной Дары – настоятельница монастыря. Практичный Эдди мог бы стать братом-миссионером и учить языческие племена строить хижины и рыть каналы. Деклан еще совсем малыш. Может быть, он стал бы священником где-нибудь неподалеку, где за ним можно было бы приглядывать.

Конечно, все это чушь. Никто из них и слышать не хотел о религии. Но все же Джон Райан не представлял себе, что в будущем три сына и, возможно, дочь займутся тем же ремеслом, что и он сам.

Во-первых, им просто не хватило бы для этого места. Как в большинстве ирландских городков, в Маунтферне и без того было слишком много пивных. На главной улице, Бридж-стрит, стояло по меньшей мере три паба. В начале улицы – паб Фоли, который сейчас вряд ли можно было назвать настоящей пивной. На самом деле это была всего лишь стойка, у которой дневали и ночевали дружки старого Мэтга Фоли; там не умели толком обслужить клиента. Дальше – бакалея Конвея, в задней части которой тоже имелся бар. Клиентурой Конвея были тайные пьяницы. Эти люди не признавались, что пьют; они делали вид, будто зашли за пакетом корнфлекса или фунтом муки и выпили по глоточку бренди просто для поправки здоровья. Или чтобы обсудить чьи-то похороны, потому что старый Барри Конвей был по совместительству еще и владельцем похоронного бюро. Когда кого-то хоронили на вершине холма, появлялся повод на обратном пути зайти в бакалею и выпить. А пивная Данна всегда была готова вот-вот закрыться. Пэдди Данн не знал, стоит ли пополнять запасы; он говорил, что со дня на день переедет к брату, владеющему пивной в Ливерпуле. Но ему вечно что-то мешало: то ухудшение положения ливерпульской пивной, то рост потребностей местных пьяниц. Пэдди постоянно колебался и пытался вычислить, сколько он получит, если продаст свою лицензию.

Таким образом, у пивной Джона Райана было в маленьком Маунтферне по крайней мере трое конкурентов. Но ею пользовалась вся речная сторона, а особенно здешние фермеры. Она казалась больше и лучше трех остальных; здесь был не только простор, но и более богатый выбор напитков. Кроме того, многим нравилось заодно прогуляться по берегу Ферна.

Джон Райан знал, что ему крупно повезло. Когда он был впечатлительным маленьким мальчиком, никто не отправил его в закрытую монастырскую школу. Никто не помог ему уехать в Америку, где он вел бы такую же тяжелую трудовую жизнь, как два старших брата. По здешним представлениям, его жизнь казалась легкой и мирной; он мог заниматься делом и в то же время писать стихи.

Но жена считала его человеком слишком предсказуемым, обстоятельным, педантичным и неповоротливым; ей казалось, что люди должны делать несколько дел одновременно.

Джон хотел либо писать стихи, либо подавать напитки; он не мог молниеносно переключаться с одного на другое. В отличие от Кейт. Та умела переключиться на детей в любое время. Что бы с ними ни случилось, плохое или хорошее. И таких быстрых смен настроения у него тоже не было. Он не мог рассердиться, а через несколько минут улыбаться как ни в чем не бывало. Если уж он сердился, то сердился по-настоящему. Такое происходило редко, но метко. Гнев и тяжелую руку отца помнили долго, в то время как материнские вспышки, случавшиеся по десять раз на дню, благополучно забывались.

Джон, раздосадованный непоседливостью жены и необходимостью бросить свое нынешнее занятие, вздохнул снова. Он знал, что многие люди в Ирландии ему люто позавидовали бы. Конечно, пивная не приносила такого дохода, чтобы нанять бармена, но сидеть за стойкой без дела и писать стихи тоже не приходилось. Карандаш и бумага остались наверху, так же как и поэтическое настроение. Если бы клиенты увидели его с карандашом и бумагой, то решили бы, что он нажил состояние и решил подбить счета. Впрочем, в этом и так не было смысла. Внизу сидел Джек Койн из автомастерской, продавший кучу металлолома какому-то недалекому фермеру и обмывавший сделку.

У Джека Койна было лицо хорька и два острых глаза, обшаривавшие все вокруг в поисках выгодного дела. Этот жилистый маленький человечек носился по мастерской либо в замасленном комбинезоне, громко выкрикивая, что именно следует отремонтировать, либо в костюме, показывая новые приобретения, которые называл своим складом утильсырья. Казалось, он никогда не стоял спокойно; даже здесь, в баре, Джек суетливо переминался с ноги на ногу.

– Отличный денек, Джон, – сказал Джек Койн.

– Как и все предыдущие, – ответил Джон, наполняя кружки.

– Но урожаю это не на пользу, – возразил фермер.

– Ну, на всех сразу не угодишь! – рассмеялся Джек Койн, довольный тем, что может продавать подержанные машины независимо от капризов погоды.

* * *

Второго такого места для игр, как у детей Маунтферна, не имелось ни у кого на свете. Это был Фернскорт – разрушенный дом на берегу реки Ферн. Его сожгли сорок лет назад, в 1922-м, в Тревожные годы¹. Во время пожара никого из семьи Фернов в доме не было; все уехали оттуда за несколько месяцев до случившегося.

Дети часто спрашивали своих дедушек о пожаре, но сталкивались со странным провалом в памяти. Страсти, которые достигли накала в те годы, со временем улеглись. Ферны и все, что они воплощали, были забыты. Их дом превратился в красивые развалины, прекрасную, но пустую оболочку. И сейчас представлял собой идеальное место, где можно проводить долгие летние дни.

Просторные сады, за которыми когда-то ухаживали садовники Фернов, давно заброшены. Но яблони не знали, что Фернов больше нет. Их узловатые ветви склонялись до самой земли, предоставляя детям еще больше места для игр.

Уцелевшие стены дома обвивал густой плющ. Пристройки, в которых когда-то помещались конюшни, сохранились лучше, чем главное здание. У них еще уцелели крыши, по которым можно было бегать, известняковые арки и хорошо сложенные кирпичные стены. В пору постройки Фернсворта конюшни считались очень важной частью поместья; гости должны были видеть, что они не уступают качеством всему остальному.

---

¹ Имеется в виду гражданская война в Ирландии (1919–1923), партизанская война между Ирландской республиканской армией (ИРА) и сторонниками соглашения с Великобританией. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Кейт Райан, бодро шагавшая по тропинке, с двух сторон обсаженной лаврами, услышала крики и смех и невольно вспомнила собственное детство, проведенное в тихом дублинском домике с больной матерью. У нее не было ни братьев, ни сестер, с которыми можно было играть, а на ее подружек косились и заставляли держаться подальше.

По сравнению с ней дети вели жизнь вольную и свободную.

Фернскорт принадлежал им и их друзьям. Конечно, достигшим нужного возраста. Обычная история: малышей вроде Эдди и Деклана нещадно вылавливали и отправляли заниматься своими делами – иными словами, прогоняли восвояси. Потом к мостику приходили мальчики и девочки постарше, и начиналась потеха. Мальчишки под громкие «ох» и «ах» прыгали в воду с уступа и затевали с девчонками возню, после которой те иногда выбирались на берег в мокрых платьях, липнущих к телу.

Для тех, кто приходил в Фернскорт, остальной мир переставал существовать. Лето стояло хорошее, и, как только домашние дела подходили к концу, дети собирались, одевались попроще, шли по Ривер-роуд и переходили мостик перед пивной Райанов. А некоторые даже не обращали внимания на колючки и шли по давно заглохшей тропе с другой стороны реки.

Фернскорт принадлежал всем детям, но был родным домом только для Дары и Майкла. Близнецы делали вид, что это их собственность. Они играли там даже тогда, когда к ним не присоединялся никто другой. У них был старый стол и две сломанные табуретки, принесенные из бара. Кроме того, там имелась и посуда – погнутая вилка, ржавый ножик и несколько шерба-тых тарелок. Так что устраивать пиры было где. Едва достигнув возраста, позволявшего ходить в Фернскорт в одиночку, близнецы дружно заявили, что станут жить там, когда вырастут.

Там красиво и близко от дома, деловито сказали Дара и Майкл. Они купят Фернскорт, заведут себе лодку и станут всюду плавать по реке, а не ходить по дороге.

Фернскорт станет их дворцом, их замком, их домом.

Близнецы считали поместье своим собственным, потому что жили с ним рядом, видели его из окон пивной и могли ходить туда каждый день, что летом, что зимой.

Но конечно, они не хотели владеть им одни. Фернскорт принадлежал всем, особенно во время длинных летних каникул, когда даже долгого дня недостаточно для игр, в которые они там играли.

Конечно, никаких игровых площадок там не было, но зато имелись огромные мшистые валуны, потрескавшиеся каменные заборы, пролеты, с которых плющ свисал как занавес, дверные и оконные проемы в уцелевших стенах, а это означало множество мест, в которые можно было забраться, сесть и посмеяться.

Девочки создали игрушечный дом в часовой башне, все еще возвышавшейся над конюшней, хотя купола и часов давно не было. Мальчики пользовались длинными лестницами с невысокими ступеньками, почти неразличимыми во мхе и сорняках, для соревнований по прыжкам, которые представляли собой помесь прыжков в длину с чехардой. Требовалось спрыгнуть с как можно большего количества ступенек; тот, кто отказывался от прыжка, грозившего членовредительством, считался девчонкой.

Но дураками близнецы не были. Другим приходилось идти домой, доить коров или купаться. Ни у кого из детей Маунтферна не было такого великолепного места для игр, и никто из них не мечтал сделать красивый разрушенный дом своим.

Кейт видела, что кое-кто уже устремился домой, боясь нахлобучки; нужно было привести себя в порядок перед концертом. Она заметила Томми Леонарда, бежавшего по заросшей тропинке. Книжный и канцелярский магазин Леонарда находился у большого моста, поэтому добраться до него по берегу можно было быстрее, чем по куда более удобной Ривер-роуд. В возрасте Томми не обращают внимания ни на рваную одежду, ни на поцарапанные руки и ноги, с удивлением подумала Кейт. Ей навстречу шла маленькая Мэгги Дейли, лучшая подруга Дары.

– Они идут, миссис Райан, – сказала Мэгги, хорошо знавшая, что мать близнецов направляется к ним вовсе не с официальным визитом. – Думаю, они уже закончили.

– Очень надеюсь, – мрачно ответила Кейт. У Мэгги Дейли были большие тревожные глаза; казалось, она боялась всего на свете. Даже здорового, но совершенно безобидного пса Райанов, которого звали Леопольд. Когда Леопольд просто лежал, греясь на солнышке, Мэгги Дейли смотрела на него с таким ужасом, словно бедняга собирался вцепиться ей в глотку.

За Мэгги шла ее старшая сестра Китти, уже переросшая эту компанию. Китти была слишком взрослой для прятков и салочек. Ей надоело это лето, надоел Фернскорт и игры, в которые они играли, надоело возвращаться домой, переодеваться и идти на концерт. Надоело быть ни взрослой девушкой пятнадцати лет, которая могла надевать красивый красный купальник, сидеть на плоту в окружении толпы друзей и смеяться, наслаждаясь всеобщим восхищением, ни маленькой девочкой, которой доставляет удовольствие каждый день забираться в заброшенную комнату в разрушенной часовой башне или пролезать через трещины в замшелых стенах. Проходя мимо Кейт Райан, Китти Дейли тяжело вздохнула.

– Наверное, вы идете надавать им подзатыльников, – сказала она так, словно от старых родителей, приходивших в Фернскорт, ничего другого ждать не приходилось.

– Ничего подобного, – любезно ответила Кейт. – Я хотела узнать, не принести ли им сюда что-нибудь вкусненькое. Может быть, устроить чайный стол. Я готова на все, чтобы доставить удовольствие своим любимым близнецам.

Китти быстро ушла.

Дара и Майкл пошли в мать. Светлые брови Джона Райана достались разве что Эдди. Близнецы были худыми и жилистыми; возможно, Джон тоже был таким в их возрасте. Но Кейт понимала, что детям не досталась и улыбка Джона, который улыбался даже тогда, когда за ним никто не следил. Все Райаны улыбались одинаково. В том числе и свекровь, которая считала Кейт неподходящей женой для своего любимчика. Глаза у Дары и Майкла были такими же темными, большими и серьезными, а взгляд таким же пристальным, как у нее самой. Стоило Кейт увидеть свою фотографию, как она начинала плакать и говорить, что выглядит как ведьма из Беарры или ангел мести. Казалось, ее вечно сжигало какое-то беспокойство. Улыбаться в объектив было выше ее сил.

Никто другой этого не замечал.

Зато все замечали, что близнецы представляют собой красивую пару. Особенно летом, когда загорелые мальчик и девочка в шортах и ярких рубашках уходили далеко от дома, изучая каждый уголок Маунтферна и его окрестностей.

Кейт подумала о том, как поведут себя Дара и Майкл, если она станет их ругать. Они должны были вернуться добрых полчаса назад, чтобы успеть подготовиться к школьному концерту. Придется сдерживать досаду, иначе близнецы взбунтуются, откажутся мыться и причесываться, а то и забудут свои роли. Дара должна была читать стихотворение на ирландском языке, а Майкл вместе с мальчиками из монастырской школы петь «Ирландские мелодии» Мура².

Молодая учительница мисс Линч относилась к идее концертов с таким энтузиазмом и уделяла их организации столько своего времени, что постепенно каждый житель Маунтферна невольно втянулся в это дело. Обычно монастырские школы для мальчиков и девочек совместных мероприятий не проводили, но старый каноник Моран считал, что один концерт лучше двух, и все соглашались с ним. Так мисс Линч одержала свою первую победу. Концерты проводили в помещении церкви; все участники должны были являться туда нарядно одетыми к пяти часам. Мероприятие начиналось ровно в шесть и обычно заканчивалось к восьми вечера.

---

² *Томас Мур* (1779–1852) – английский поэт-романтик, автор «восточной» поэмы «Лалла Рук» (1817) и цикла «Песни народов» (1818–1827), в том числе песни «Вечерний звон» (в русском переводе И. И. Козлова). В сборнике «Ирландские мелодии» (1807–1834) воспел освободительную борьбу ирландского народа.

Кейт уже почти добралась до Фернскорта. Должно быть, в прежние дни этот дом производил сильное впечатление: трехэтажный, но с очень высокими потолками, широкими окнами и просторными комнатами. Конечно, семья Фернов, несколько поколений которой прожили здесь век с лишним, любила его. Вряд ли кому-нибудь из этих изящных господ приходило в голову, что в один прекрасный день дом превратится в развалины, где будут играть деревенские дети, которых раньше пускали внутрь только с мешками угля или большими кувшинами воды.

Все уже разбежались. В доме оставались только ее близнецы. Что заставило их задержаться? Кейт ощутила досаду. Никакого порядка! Она раздвинула плющ и увидела, что Дара и Майкл сидят на большой поваленной колонне и смотрят в дыры в каменном заборе.

Дети смотрели на то, что происходило вдалеке, и их лица выражали чувство, подозрительно похожее на страх.

Под ними два человека ставили на треноги какие-то приборы, заглядывали в них и делали записи в блокнотах. Потом переставляли треноги и повторяли то же самое.

Кейт остановилась у близнецов за спиной.

– Что это? – шепотом спросил Майкл.

– Теодолиты, – ответила Кейт. – Очень полезное слово для кроссвордов.

– И что они делают? – поинтересовалась Дара.

– Проводят съемку. Определяют уровни. Честно говоря, я сама не слишком в этом разбираюсь.

– Этим теодалистам тут не место, – покраснев от гнева, заявил Майкл. – Мам, скажи им, что это частное владение. Скажи, чтобы они ушли.

– Теодолиты – это приборы. А люди – теодолитчики. Они изучают местность. И Фернскорт – не частное владение. Иначе мы бы не имели права здесь находиться.

– А ты не можешь их спросить, вернутся они снова или будут фотографировать здесь только сегодня? Спроси, мама! – взмолилась Дара. – Ты умеешь задавать людям неудобные вопросы. Пожалуйста!

– В данный момент я могу задать только один неудобный вопрос: я дала вам будильник и велела вернуться в четыре. Сейчас уже половина пятого, а вы все еще здесь. Вот тот неудобный вопрос, который я хочу сегодня задать и получить на него ответ.

Но близнецы не обратили внимания на нетерпение матери; казалось, они ее вовсе не слышали.

– Мы не играли. Просто пытались понять, что они делают... – начала Дара.

– И надеялись, что они уйдут... – закончил Майкл. Близнецы часто договаривали друг за друга.

– Но ничего не поняли...

– И это нам не понравилось.

Кейт взяла их за плечи, заставила вернуться к будильнику и нетронутым сэндвичам и повела к мостику. На другом берегу царила подозрительная суматоха. Эдди и Деклан лежали у края воды и пытались дотянуться до чего-то, плывшего по течению на деревяшке.

Новая служанка Карри беспомощно сутилась, мальчишки кричали, и тут Кейт поняла, что черепаха по кличке Морис устремила в неизвестность.

– Принесите грабли и большую швабру! – крикнула она. Майкл и Дара побежали их искать, довольные тем, что избавились от мертвой хватки и упреков матери. Восемилетний Эдди побагровел, понимая, что ему грозит; Деклану было всего шесть, и ему, как маленькому, прощали все.

Кейт выловила черепаху и с выражением лица, не предвещавшим ничего хорошего, понесла ее в домик из торфа. На глазах у четверых детей и испуганной Карри она вытерла ее чистым полотенцем и положила в сено. Затем безапелляционным тоном велела Карри пойти на кухню и вымыть Эдди и Деклану руки и лица. Тем временем Майкл и Дара отправятся в

ванную и через пять минут до блеска надраят шеи, уши и коленки. Она говорит про шеи, уши и коленки, потому что эти части тела требуют особого внимания, но на всех остальных частях тоже не должно быть ни пятнышка. Это дело потребовало больших усилий, но после тщательного осмотра Майклу и Даре все же позволили отправиться в церковь. Необычно тихие Эдди и Деклан сидели и ждали приговора матери. Может быть, их вообще не пустят на концерт. Не худший вариант. Или отшлепают. Впрочем, едва ли. Если бы их хотели отшлепать, то уже отшлепали бы.

Но такого сурового наказания они не ожидали.

– Все, Эдвард и Деклан, черепахи у вас больше нет. Теперь это моя черепаха. Вы поняли? Когда Эдди называли Эдвардом, это означало самое худшее.

– Ты хочешь сказать, что...

– Да, теперь Морис мой. И я могу делать с ним все, что мне нравится. Могу отнести обратно в зоомагазин, где по глупости купила его, подумав, что мои дети способны кого-то любить. Могу съесть. Попросить Карри завтра сварить из него суп.

Дети пришли в ужас.

– А почему нет? – небрежно продолжила Кейт. – Вы пытались утопить Мориса, так почему я не могу его сварить? В конце концов, он всего лишь черепаха.

Глаза Эдди наполнились слезами.

– Ма, мы не пытались его утопить! Просто хотели посмотреть, умеет ли он плавать. А когда увидели, что не очень, то сделали для него плот.

– Спасибо, Эдвард. Ты хочешь сказать, что это был всего лишь несчастный случай по неосторожности?

– Ну да... – Эдди надеялся на прощение, но не был в этом уверен.

– Что ж, раз Морис теперь мой, с ним могут произойти и другие несчастные случаи. Я могу позволить ему упасть в кастрюлю с кипятком или куда-нибудь еще. Впрочем, теперь это вас не касается. Вам запрещается подходить к торфяному домику или к любому другому месту, где он будет находиться.

Деклан заревел:

– Мамочка, не надо варить Мориса! Пожалуйста, не вари мою черепаху!

– Это моя черепаха, – ответила Кейт.

– Ты не имеешь права убивать животных! – разозлился Эдди. – Я все расскажу полицейским. Расскажу сержанту Шихану!

– Пожалуйста. А я расскажу ему, как вы хотели утопить Мориса.

Наступила тишина.

– Не валяйте дурака, – сказала Кейт. – Я не причиню Морису вреда. Но он мой, поэтому играть с ним вы больше не сможете. А сегодня после концерта не получите мороженого у Дейли.

Это было плохо, но могло быть еще хуже. Мальчишки смирились.

– Пойдем, Карри, – продолжила Кейт, сжалившись над семнадцатилетней девушкой, проводившей свою первую субботу вдали от дома. – Немного поправь прическу, и пошли.

– Я пойду с вами? – Лицо Карри просияло.

– Конечно. Неужели ты думала, что мы оставим тебя здесь одну? – На самом деле Кейт решила это только сейчас, увидев потрясение девушки, поверившей, что ее действительно заставят варить черепаху.

– Мэм, вы настоящий джентльмен, – с чувством сказала Карри и побежала надевать чистую блузку и втыкать в прическу еще две шпильки.

* * *

Каноник Моран был маленьким, суетливым человеком с бледно-голубыми глазами, подслеповатыми и близорукими. Он думал, что почти все люди от природы добры; это выгодно отличало его от других приходских священников, считавших большинство людей порождениями зла. Среди молодых священнослужителей ходил слух, что Маунтферн – место просто сказочное. И молодой священник брат Хоган тоже считал, что ему крупно повезло. Когда перед концертом каноник Моран садился в красивое большое кресло и ставил на скамеечку часто немеющие ноги, он был счастлив. С жаром хлопал каждому номеру и хвалил всех монахов и монахинь, которых знал поименно. Каноник знал, что присяжный поверенный мистер Слэттери-старший сделал вклад, позволивший церкви сменить ужасные старые шторы на новые. Он знал, что многословных благодарностей отцу и сыну Слэттери не требуется, но зато не скупился на похвалы щедрости владельцев молочной Дейли, приславших пирожные к восьмичасовому чаю, или отличным программкам, напечатанным за счет владельца писчебумажного магазина Леонарда. По субботам каноник начинал отпускать грехи в пять часов, чтобы успеть все закончить к концерту. Брат Хоган знал про веру каноника Морана в то, что доброе слово и благочестивая надежда на лучшее будущее принесут его прихожанам максимальную пользу. А сами прихожане, видя сонные бледно-голубые глаза старого каноника, были уверены, что он вдобавок еще и глухой и не узнает голосов, шепотом исповедующихся ему в грехах.

Брат Хоган считал Маунтферн городком мирным и дружелюбным. Хотя мечты, которые он питал в семинарии, оказались слишком честолюбивыми, однако молодой священник разделял веру каноника в то, что всюду есть души, заслуживающие спасения, и что в глазах Господа организация концертов для здешних жителей имеет такую же ценность, как миссионерство в языческих странах или руководство клубом для малолетних правонарушителей в бандитском районе большого города.

Считалось, что мистер Слэттери-младший ухаживает за мисс Линч, поэтому он был просто обязан прийти на концерт для моральной поддержки его устроительницы. Молодой человек сидел рядом с Кейт Райан, двумя принаряженными маленькими мальчиками и девушкой с покрасневшими глазами по имени Карри.

– Как хозяину дома удалось избежать этого крупного культурного события? – с завистью спросил Фергус Слэттери.

– Кто-то должен был остаться в баре. Все выглядит так, словно здесь собралась половина графства, но вы не поверите, какое количество мужчин находит предлог выпить, пока их дети выступают на этой сцене, – ответила Кейт.

– Рад за него, – искренне ответил Фергус. – Я не могу сослаться на то, что работаю в субботу вечером. Люди считают, что адвокаты вообще ничего не делают. Но моя контора слишком близко отсюда. Мне поверят только в том случае, если увидят в окне с засученными рукавами.

Фергус лукаво улыбнулся. «Похож на высокого неуклюжего мальчишку, – подумала Кейт, – хотя ему уже двадцать шесть. Или двадцать семь?» Для нее он всегда был неугомным студентом, приезжавшим домой на каникулы. Хотя теперь Фергус практически полностью вел дела отцовской конторы, ей было трудно смотреть на него как на взрослого. Наверное, в этом была виновата внешность; с его вихрами не мог справиться ни один парикмахер. Рубашки молодого человека тщательно гладила верная экономка Слэттери мисс Пёрселл, но воротнички почему-то всегда криво сидели на его шее. Кейт ничуть не удивилась бы, узнав, что он покупает рубашки не того размера или неправильно застегивает пуговицы. У Фергуса были темные глаза, и если бы он носил длинные черные пальто, то мог бы выглядеть очень элегантно.

Однако часть очарования мистера Слэттери-младшего заключалась в том, что он просто не мог быть элегантным; этот молодой человек был абсолютно равнодушен к своей внешности и к тому, что все невесты Маунтферна возлагали на него большие надежды.

– Хотите сказать, что пришли сюда без всякой охоты? Несмотря на то что Нора Линч лезет вон из кожи, чтобы произвести на вас впечатление? – недоверчиво спросила Кейт.

– На меня?

– Конечно. Для чего девушке тратить все свои силы на такую ерунду и прозябать в этой дыре? Только для того, чтобы доказать вам, что она чего-то стоит.

– Но почему она доказывает это именно мне?

– Разве вы с ней не встречаетесь? – Мужчины приводили Кейт в изумление. Неужели они действительно так глупы, как кажутся?

– Да, конечно. Мы ходим в кино и на танцы, но это ничего не значит. – Казалось, Фергус искренне недоумевал.

– Ничего не значит? Что вы хотите этим сказать? Только настоящее чудовище может довести девушку до такого состояния, а потом говорить, что это ничего не значит. Знаете, чем старше я становлюсь, тем сильнее верю в правоту монахинь: все мужчины в глубине души дикие животные.

– Но это действительно ничего не значит! – с жаром возразил Фергус. – Мы не любим друг друга, у нас нет общих планов и общих надежд. Мы ничего друг другу не говорили и ни о чем не договаривались. Честное слово.

– Верю, – саркастически ответила Кейт. – О боже, не дай мне или кому-нибудь из моих родных влюбиться в адвоката. Он всегда сумеет защитить себя.

– Но она не думает... – начал Фергус. И в этот момент на сцене появилась ослепительная Нора Линч, сделавшая прическу в салоне «Розмари» и надевшая новое желтое платье, достаточно короткое, чтобы быть модным, и в то же время достаточно длинное, чтобы не вызвать нареканий у каноника, монахинь и монахов. Она выразила надежду на то, что первое совместное мероприятие доставит удовольствие всем, поблагодарила каноника, сестер и братьев, спонсоров, детей и их родителей и сказала, что публике предстоит прекрасный вечер. Она здесь человек со стороны, а потому благодарит за предоставленную возможность включиться в дела местной общины. В глубине души она чувствует, что всегда была и будет ее членом.

– Сколько вам лет, Фергус Слэттери? – внезапно прошептала Кейт.

– Двадцать семь, – ответил сбитый с толку молодой человек.

– Двадцать семь? И вы пытаетесь меня убедить в том, что эта молодая женщина не имеет на вас видов? Да простит вас Господь, Фергус. Простит и вразумит.

– Спасибо, Кейт. – Фергус не понимал, осуждают его или жалеют, но ни то ни другое ему не нравилось.

Дара Райан чувствовала себя так, словно проглотила мороженое целиком; в животе стояла холодная тяжесть, и девочка боялась, что ее стошнит.

– Я не смогу читать, – сказала она Мэгги Дейли.

Но Мэгги ей не поверила:

– Перестань, Дара. Ты прекрасно читала стихи в школе.

– Это совсем другое дело. – Дара подошла к двери, которую они должны были охранять, и заглянула в щель. – О боже, там полно народу! – с ужасом сказала она.

– Им понравится, – успокоила ее Мэгги.

Но в таком состоянии Дара начала бы спорить с кем угодно.

– Нет, не понравится. Стихотворение на ирландском, они не поймут в нем ни слова.

– Но зато как оно будет звучать!

– Чем произносить красивые, но бессмысленные звуки, лучше взять гонг, поколотить в него три минуты, а потом выслушать аплодисменты и поклониться.

Мэгги хихикнула. Если Дара начала высказываться в таком духе, значит все будет хорошо.

У самой Мэгги сольного номера не было. Она была членом хора девочек, которому предстояло спеть «Аве Мария» Гуно, а потом вернуться на сцену еще раз и исполнить «Мне никогда не увидеть стихи прекраснее деревьев». А вот Дара должна была на глазах у всего Маунтферна прочитать «Cill Cais»; по словам мисс Линч, это было оплакивание старого дома, развалины, похожей на Фернскорт. Правда, в том доме жили ревностные старые католики, регулярно служившие у себя мессу, которую посещала вся округа.

– Дара, на выход.

Мэгги Дейли пожалала подруге руку, скрестила пальцы на счастье и стала следить за Дарой, шедшей на сцену.

Мисс Линч, прекрасно знавшая, что никто не поймет смысла стихотворения без перевода, сказала, что история «Cill Cais» известна всем и каждому. Польщенные зрители понимающе кивнули друг другу и стали ждать, когда дочка Райанов прочитает им то же самое по-ирландски. Голос Дары звучал уверенно; при этом она, как учила мисс Линч, смотрела в дальние ряды. Затем раздалась буря аплодисментов, одобрительные возгласы, и Дару сменил на сцене хор мальчиков.

Брат Кин выбрал для исполнения три самые красивые «Ирландские мелодии» Мура. Он заявил, что его питомцы споют эти мелодии с тем же воодушевлением, с которым их писал Томас Мур. И без тени юмора добавил, что хотя эта музыка как нельзя лучше подходит для двенадцатилетних мальчиков, однако шестерых все же пришлось исключить, потому что незадолго до концерта у них начал ломаться голос.

Смягчи, о Море, рев валов,
Не рвите, ветры, цепь покоя.

Эта мелодия Мура была у брата Кина самой любимой. Он не понимал, почему слова о ветрах и жидкостях (в том числе испускаемых человеческим организмом), казалось, написанные огненными буквами на листочках, которые держал перед собой каждый исполнитель, вызывали у хористов такое веселье. Сорок стоявших перед ним мальчиков с величайшим трудом сдерживали смех. Монах бросил на них яростный взгляд и перешел ко второй песне, к несчастью, называвшейся «Встреча струй». Двусмысленность названия заставила весь хор фыркнуть, и брат Кин решил сурово поговорить с мальчишками в более подходящем для этого месте.

В цену билетов входила стоимость чая, сэндвичей и пирожных. За приготовлением сэндвичей наблюдала почтмейстерша миссис Уилан – по всеобщему признанию, самый славный человек в Маунтферне. Кожа этой маленькой жилистой женщины была смуглой – то ли от редкого в центральных графствах солнца, то ли от постоянного ветра, дувшего от побережья к побережью. У Шейлы Уилан были три брошки в виде камней, когда-то проданные ей заезжим торговцем: розовая, зеленая и бежевая. Она прикалывала брошки к воротникам белых блузок и делала это с незапамятных времен. Кроме того, у Шейлы были три юбки, которые она носила целую вечность, и несколько кардиганов из тонкой шерсти, похоже, связанных ею собственноручно. Обычно она вязала вещи для других – кофточки для младенцев, рождавшихся в окрестностях Маунтферна регулярно, шали для старушек и школьные свитеры для детей, которые в них нуждались. Миссис Уилан всегда имела лишний моточек шерстяных ниток, который, по ее словам, было жалко выбросить. У нее было доброе лицо и дальнзоркие бледно-голубые глаза, не способные сосредоточиться на том, что не выносило слишком пристального взгляда.

Казалось, она не проявляла к личной жизни остальных прихожан ни малейшего интереса: не замечала того, кому приходят, а кому не приходят денежные переводы от эмигран-

тов, не видела, что пенсии и пособия по безработице получают обеспеченные люди, имеющие работу. Она спокойно и даже не без интереса отвечала на прямые вопросы о местонахождении мистера Уилана, но никогда не говорила, что супруг бросил ее ради замужней жительницы Дублина, после чего эта пара произвела на свет четверых детей. Если кто-то спрашивал, когда он вернется, миссис Уилан настраивалась на философский лад и отвечала, что ответить на этот вопрос очень трудно. Впрочем, как и на многие другие. После чего речь заходила не о месте пребывания мужа миссис Уилан, а о смысле жизни.

Фергус Слэттери всегда говорил, что именно к такой женщине обратится человек, совершивший убийство. Как ни странно, в окрестностях Маунтферна действительно имелся убийца: сын фермера, спьяну набросившийся на собственного отца. И пришел он не в церковь, не в полицейский участок, а на почту, держа в руках орудие убийства, которым стали вилы.

Миссис Уилан привлекла к делу церковь и полицию, но сделала это без шума и в свое время. То, что человек не в своем уме обратился именно к ней, никому не показалось странным; Шейла объяснила, что бедняга направлялся к канонику, но зашел на почту, потому что там горел свет.

Никто не знал и того, что именно Шейла посоветовала женщинам срезать с хлеба корку и приготовить по тарелке сэндвичей каждой. Это означало, что обещание будет выполнено, хотя у самой Шейлы хлопот прибавится. Фергус знал это, потому что мисс Пёрселл не могла сделать выбор между яичной пастой и яйцами с майонезом. Чтобы решить вопрос, ей потребовалось трижды обсудить его с миссис Уилан.

– Вы – единственная умная женщина в этом городе... – начал Слэттери.

– Чем могу помочь, Фергус? – просто спросила она.

– Думаете, я сказал это только потому, что чего-то от вас хочу?

– Ничего подобного. – И все же она продолжала ждать.

– Мне действительно сватают Нору Линч?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что так говорит Кейт Райан, женщина, которую я люблю и уважаю. А ясно, как божий день, что я вовсе не собирался этого делать.

– Ну, если произошло недоразумение, я не сомневаюсь, что вы сможете его развеять.

– Но есть ли само недоразумение? Именно об этом я вас и спрашиваю, миссис Уилан. Я не хочу развеивать недоразумение, которого не существует.

– Фергус, мне никто ничего не говорит.

– Я спрашиваю о себе, не о других.

– Я уже говорила, что не разбираюсь в чужих делах, но знаю, что, если возникнет какая-то проблема, вы сумеете ее решить. Так или иначе.

– Иными словами, мне следует сказать прямо: «Я не хочу на тебе жениться»?

Выражение глаз миссис Уилан изменилось. Ее взгляд говорил, что откровенность Фергуса зашла слишком далеко. Что присяжному поверенному следует быть еще более скрытным, чем почтмейстерше.

– Фергус, многие люди обращаются к вам со своими делами. Так же, как раньше обращались к вашему отцу. В конце концов, это ваша работа. Если вы захотите найти нужные слова, то найдете их.

– Миссис Уилан, из вас получился бы образцовый военнопленный, – ответил Слэттери. – Вы умеете свято хранить тайну.

* * *

После концерта Фергус и Нора собирались проехаться. Все благодарности и поздравления были высказаны; люди возвращались домой, наслаждаясь теплым летним вечером. Стар-

шие дети отправились к мосту. В кинотеатре устроили дополнительный вечерний сеанс, и многие пошли смотреть фильм. Фергус открыл дверь машины, и Нора Линч бегом устремилась к нему.

У маленькой полноватой Норы была чудесная кожа и щечки как яблочки. Ее светлые волосы были аккуратно подстрижены, а губы слегка накрашены.

– Может быть, съездим в холмы? – спросил Фергус, пока Нора надевала белый жакет с желтой отделкой, хорошо сочетавшийся с платьем.

– В холмы? – удивилась она.

– Там тихо, а я хочу кое-что тебе сказать.

Глаза Норы засияли, лицо порозовело.

– С удовольствием, – хриповато сказала она чужим голосом.

У Фергуса засосало под ложечкой. Эта симпатичная, недалекая маленькая болтушка, с которой они целовались десятки раз, явно думала, что он собирается сделать ей предложение.

Он медленно включил двигатель и поехал в холмы.

Глава 2

«Лицензированная пивная Райана», как и любой ирландский паб 1962 года, имела постоянных клиентов, которые никогда ей не изменяли. Казалось, о расширении клиентуры никто не заботился. Она была той же, что и во времена отца Джона; людям, жившим в этой части Маунтферна, было удобно приходить сюда, а не в центр. Кое-кто считал, что Райану, жившему на окраине, крупно повезло. Тех, кто входил к Фоли, Конвею или Данну и выходил от них, видел весь город.

Когда отец Джона был жив, пивная торговала еще и бакалейными товарами. Сундук для чая все еще занимал свое место, но теперь он был пуст. Неподдалеку находилась бакалея Лоретто Куинн, муж которой погиб во время несчастного случая. Даже если бы Райаны хотели вернуться к прежнему, с их стороны было бы нечестно лишать ее куска хлеба. Кроме того, большинству жителей окраины нравилось ходить за покупками в центр, а заодно чинно прогуляться по Бридж-стрит, где можно было людей посмотреть и себя показать. Пивная Райана, находившаяся немного в стороне, не годилась для еженедельной закупки продуктов.

Джон Райан был рад, что Кейт его поддержала. Для жительницы Дублина она поразительно быстро приспособилась к Маунтферну; Кейт лучше его знала местные слухи и то, что происходило в городке. Именно Кейт помогала детям делать уроки, находила и обучала прислугу – деревенских девушек, которые после освоения домоводства уезжали в более крупные и шумные города. Кейт работала в баре так, словно родилась для этого. Она прекрасно знала, когда можно принять участие в общей беседе, а когда этого делать не следует.

Кейт до блеска шлифовала стаканы и опорожняла большие пепельницы с надписью «Золотые хлопья» на ободке. Ей нравились значившиеся на вывеске слова «Бочковой виски», хотя это уже не соответствовало действительности. Отец Джона, как большинство трактирщиков, покупал у винокура бочонок виски, хранил его на складе и платил акцизный сбор, когда забирал бочонок для продажи и разлива по бутылкам. В те дни на каждой бутылке значилось имя Джона Брайана, но теперь винокуры не одобряли такую старомодную самонадеянность. Они предпочитали продавать виски уже в бутылках. Но Кейт все еще любовно полировала вывеску; каждое утро она поднималась по приставной лестнице с мылом, водой и тряпками.

Так же она вела себя и за стойкой: драила украшения бара так, словно те были настоящими произведениями искусства. Во многих пивных стояли шаржированные стаффордширские фигурки футболистов и игроков в травяной хоккеей, облаченных в цвета того или иного графства. На подставках фигурок было написано: «Спортсмены, добро пожаловать на все площадки». Кейт объяснила близнецам смысл каламбура так, что Джон пришел в восторг³. Он смотрел на эту надпись тысячу раз, но не замечал ее и не задумывался над тем, что она значит. Непростительно для человека, который считал себя поэтом.

Здесь Кейт тоже была молодцом. Она никогда не задавала вопроса, с какой стати толстый владелец деревенской пивной возомнил, что он может писать стихи. Напротив, она садилась к Джону на колени и просила прочитать написанное. Кейт опускала голову на его плечо и одобрительно вздыхала, а иногда спрашивала, что он хотел сказать тем или иным образом. У нее были длинные темные кудри и очень темные, почти черные глаза. Она никогда не ворчала из-за того, что Джон слишком много времени проводил в спальне, пытаясь писать, хотя такие попытки предпринимались часто. Она с удовольствием работала в баре, лишь изредка напоминая мужу, что он должен быть там в решающие моменты вроде ланча или вечерних новостей, передававшихся по «Радио Эйреанн» в половине седьмого. Клиенты имели право

---

³ Игра слов. Английское выражение «on the grounds» одновременно означает и «наскочить на мель».

рассчитывать на то, что в это время их кружки будет наполнять хозяин дома, а заодно и выражать свое мнение о том, что случилось за день.

Джон Райан религиозностью не отличался. Во время мессы он старался держаться в задних рядах, летом – на открытом воздухе и думал о вещах, не имевших отношения к службе. И все же он благодарил Господа за то, что встретил Кейт. Этого легко могло не произойти. Если бы в тот день мастерская Джека Койна не была закрыта, девушки не обратились бы к нему. Если бы прокол шины произошел через одиннадцать миль, подруги очутились бы в предместьях большого города. Если бы Кейт путешествовала с опытной туристкой, которая могла бы сама заклеить прокол, а не с хихикающей девицей, едва умевшей ездить на велосипеде...

Думать об этом было слишком тяжело. Как и о той черной полосе, которая настала тогда, когда Джон воспользовался своим шансом и начал регулярно встречаться с Кейт, а его мать сказала, что ни одна ветреная дублинка не ступит на порог этой солидной семейной пивной. Он был готов уйти из дома, но Кейт уговорила его. Бедная старуха просто боялась потерять его так же, как мужа и всех остальных членов семьи. Два ее сына стали священниками и жили далеко от Маунтферна, две дочери ушли в монастырь и уехали еще дальше, в Австралию, а два младших сына эмигрировали в Америку и не помышляли о возвращении.

Кейт говорила, что он должен проявить терпение. Рано или поздно старая миссис Райан передумает, а сама Кейт тем временем освоит профессию барменши в Дублине. И она действительно пошла учиться, бросив ради этого хорошо оплачиваемую должность секретаря в адвокатской конторе и став девочкой на побегушках в маленькой гостинице, где можно было освоить и работу за стойкой.

К тому времени, когда миссис Райан смягчилась, Кейт уже знала, как следует подать большую или маленькую порцию светлого или темного виски, когда с клиента уже достаточно, с кого требовать оплаты наличными, с кого – чеком, а кому отпускать напитки в кредит. Свадьба была скромная. Шел 1948 год, денег у них было негусто, и родни тоже. Спасибо и на том, что присутствовала мать Джона. С кислым лицом, в черном платье, но все же присутствовала.

У самой Кейт родных вообще не было. Мать, считавшая себя великомученицей, умерла от тоски. Ее отец женился снова, но был уверен, что на его новую жену все смотрят сверху вниз, и потому никуда не ходил. Никакие уговоры не могли заставить их прийти на свадьбу, а потому в церкви присутствовали лишь четыре подружки Кейт, в том числе Люси – та самая, которая не умела заклеивать проколы. Вот так Кейт О'Коннелл и вышла за тучного светловолосого поэта Джона Фрэнсиса Райана, которому пришлось заняться семейной пивной сначала для того, чтобы доставить удовольствие матери, а потом, после кончины миссис Райан, чтобы содержать жену и четверых детей.

Кейт говорила Джону, что тоже благодарит за него Господа. Причем говорила серьезно. Каждый вечер она становилась на колени и молилась три-четыре минуты, как бы ни любил и ни желал ее муж.

– Ты можешь помолиться позже, – уговаривал Джон.

– Нет, позже я усну в твоих объятиях, – отвечала она.

Кейт заверяла Джона, что благодарит небеса за его честность и доброту, за то, как он смотрит на мир, и за четверых чудесных детей. Никто из следивших за тем, как улыбались друг другу в пивной шустрая Кейт и медлительный Джон, и не догадывался, до какой степени эти двое нуждались друг в друге и использовали черты характера, которых не было у другого. Возможно, мужчины думали, что младший из сыновей старого Райана правильно сделал, женившись на красивой городской девушке, которая сумела вдохнуть в его бизнес новую жизнь. Возможно, женщины Маунтферна говорили, что Кейт О'Коннелл, однажды прикатившая в их городок на велосипеде и не имевшая ни кола ни двора, встала на ноги, выйдя замуж за владельца пивной. Но на самом деле все было сложнее.

Кейт, не уверенная в себе и в том, что она сумеет найти свое место в жизни, лучше всех понимала, что скромный, но надежный Джон Райан обеспечил ей кров и очаг. Знала, что он никогда не изменит ей и не перестанет любить – в отличие от ее отца. Знала, что ей не придется притворяться, чтобы доставить Джону удовольствие, как приходилось притворяться перед другими с четырнадцати лет. Знала, что ее лаконичность – иногда чрезмерная – сбивала детей с толку и что только Джон мог объяснить малышам, что к чему.

Кейт поражало терпение, которое Джон проявлял, общаясь с детьми. Он мог часами сидеть с ними на берегу реки и заставлять сохранять неподвижность, которая нужна для того, чтобы выудить рыбку. Не далее как вчера Джон сумел заставить их – и даже маленького Деклана, который вечно носился как угорелый, – следить за тем, как он разбирает и вновь собирает старые часы. Он рассказывал им истории о семье Фернов, которая жила на другом берегу реки. Истории, сохранившиеся с давних времен, потому что сам Джон Райан Фернскорта целым не видел. Близнецы могли целую вечность слушать рассказы о том, как Фернам привозили продукты на лодках.

– А как же продукты доставляли в дом? – однажды спросила Дара. Отец повел детей на мост, и они долго обсуждали, как большие ящики несли в особняк. В то время, когда Джону следовало наблюдать за бочонками и готовить пивную к открытию.

Но именно за это Кейт его и любила. Иногда ей хотелось подойти к мужу, обнять за шею, поцеловать в губы и сказать, как она его любит и какой он добрый. Не только к ней и к детям, но и к старому фермеру, который рассказывал одну и ту же историю по два раза на день. Джон только кивал, вытирал стаканы и слушал снова и снова. Когда Кейт видела, с каким терпением и уважением он относился ко всем и каждому, у нее возникал комок в горле.

Кейт знала, что ее нежность и любовь к мужу были такими же сильными, как в фильмах, которые она иногда смотрела вместе с Шейлой Уилан. Но на людях эта любовь почти не проявлялась. В Маунтферне подобные вещи не поощряли. Такими словам, как «милый», «дорогой» или «любимый», в пивной Райана не пользовались. Наоборот, супруги шутили обвиняли друг друга во всех смертных грехах...

– Дай моей жене волю, она за день потратит всю годовую выручку... Все женщины одинаковы.

– Джон, почему ты не спросил миссис Коннолли, не хочет ли она, чтобы в ее портвейн добавили капельку лимонада? Миссис Коннолли, этому человеку нет дела до того, что вы пьете. Он умеет подавать только пинты пива или порции виски.

Но когда супруги оставались наедине, они понимали, что у них есть то, чего большинству других не дано. То, чего, видимо, не было у их родителей. В день, когда родились близнецы, Джон и Кейт поклялись, что ни один их ребенок не узнает тоски и одиночества, которые в детстве испытали они сами. Деньги не имели для обоих особого значения, но в последнее время они все сильнее чувствовали, что дети питаются не воздухом и что обувь, портфели, зубные врачи, учебники, зимние пальто, новая обувь и новые учебники не растут в камышах на берегу реки.

Одна из причин, заставивших Райанов взять прислугу, заключалась в том, что Кейт собиралась искать работу. После концерта она обсудила этот вопрос с Фергусом Слэттери, и тот сказал, что Кейт может приступить к своим обязанностям с завтрашнего дня. Ее опыт канцелярской работы в Дублине и ежедневной подбивки счетов в пивной пригодится в адвокатской конторе как нельзя лучше. Всем известно, что Кейт Райан не любит болтать о чужих делах. А это ведь самое главное, не правда ли?

Она не могла дождаться, когда выйдет на работу. Но дети ее энтузиазма не разделяли.

– Значит, мы бедные? – спросила Дара.

– Конечно нет! – огрызнулась Кейт. Отвечать на такие вопросы и одновременно искать в скудном гардеробе наряд, в котором можно прийти в адвокатскую контору, было задачей не из легких.

– Если так, то для чего тебе нужно зарабатывать на жизнь в другом месте?

– Для того чтобы у тебя и твоих братьев были кожаные ботинки, которые на вас так и горят, красивые портфели, которые вы вечно теряете, и все остальное. – Кейт без всякого удовольствия смотрела на то, что она всегда считала нарядным зеленым костюмом-двойкой, на поверку оказавшееся мятой вылинявшей тряпкой.

– Нам придется продать пивную? – За ее спиной стоял Майкл, более чувствительный, чем сестра. В его глазах читалась тревога.

– О боже! Ничего подобного. С чего вы так всполошились? – Тон Кейт смягчился.

– Ты хмуришься. Тебя что-то расстроило, – стоял на своем Майкл.

– Только то, что все мои наряды годятся в утиль.

Тут к ним присоединились Эдди и Деклан. Летними вечерами военный совет наверху устраивали редко, и малыши пришли на разведку.

– Ты не хочешь выглядеть, как мисс Барри? – спросил Эдди. Кейт посмотрела на него. Мисс Барри была пожилой алкоголичкой, жившей в пресвитерской⁴ и носившей пышный титул домоправительницы. На самом деле она обитала там только благодаря доброте каноника, который просто не мог выгнать ее на улицу. Большую часть времени мисс Барри не прикасалась к бутылке, соблюдала трезвость и кое-как готовила и убирала дом, в котором жили два священника. Но когда срывалась с катушек, можно было всех святых выносить. Сравнение с такой особой Кейт отнюдь не льстило.

– Спасибо, Эдвард, – сказала она.

– А что я такого сказал? – захныкал Эдди.

Близнецы поняли, что дальнейший разговор потерял смысл; так бывало всегда, когда в него вмешивался Эдди.

– Мы уходим, – надменно сказала Дара.

– И оставляем Эдди с тобой, мама, – добавил Майкл, увидев выражение лица брата, говорившее, что тому хочется увязаться за старшими.

– Всю жизнь мечтала, – буркнула Кейт, углубляясь в раскопки. Ей позарез требовалось найти наряд, который можно было бы носить на работе.

– У нас свободная страна! – покраснев от гнева, сказал Эдди. – В Маунтферне я могу ходить куда хочу. Туда, куда мне нравится. Вы не имеете права меня останавливать!

– Ну, значит, не свободная, – ответила Дара. – По крайней мере, для Эдди. Он не имеет права ходить туда, куда ему нравится.

– Чешите отсюда все! – в отчаянии крикнула Кейт. – Но если ты, Деклан, переступишь порог дома, то не обрадуешься!

– А почему наша страна не свободная для меня? – без особой одежды на ответ спросил Деклан.

– Потому что ты маленький, – отрезала Дара.

– Ну, не такой уж маленький. Просто тебе шесть лет. А шестилетним детям в местах, где есть реки, по вечерам разрешается выходить из дома только с родителями. – Кейт улыбнулась, увидев обиженное круглое лицо Деклана.

– У нас будет еще один малыш? – предположил он.

– Нет уж, спасибо, – решительно ответила Кейт.

Дара и Майкл хихикнули, а Эдди надулся и ушел. Мальчик чувствовал, что от него что-то скрывают.

---

⁴ Пресвитерская – дом католического священника.

– А мне что делать? Пройдет еще сто лет, пока стемнеет, – пожаловался Деклан.

Кейт хотела простить сына и позволить ему поиграть с отобранной черепахой, жившей в домике из торфа, но было еще слишком рано. Если она быстро сдастся, эти хулиганы, едва не утопившие бедное животное, не поймут всей тяжести своей вины.

Лаять Леопольд так толком и не научился; он только жалобно подвывал. Оглушительно мурлыкавшая огромная оранжевая кошка по кличке Джаффа представила бы для взломщиков бóльшую угрозу, чем хромой и молчаливый Леопольд. Но в Маунтферне не было ни взломщиков, ни других преступников. Сержант Шихан с гордостью говорил, что дома в его городке не нужно запирают на ночь.

Поэтому Леопольду позволялось куда больше, чем обычной сторожевой собаке.

– Подрессировать Леопольда? – поразился Деклан. – Мама, его даже нельзя научить ходить прямо. – Отрицать это было бесполезно.

– Раз так, можешь поиграть с Джаффой в саду, – предложила мать.

– У нас нет никакого сада.

– Нет, есть. Просто я называю его садом, а ты – двором. Ступай. Джаффа поиграет с удовольствием.

– Можно поучить ее делать стойку на передних лапах? – оживился Деклан. Кейт поняла, что допустила ошибку. Она никогда не найдет подходящей одежды, если весь остаток вечера будет думать, не сломала ли кошка себе спину.

– Побудь в саду, пока не стемнеет... Поучи Джаффу откликаться на зов. А когда она придет, уйди в другой конец сада и позови снова, – сказала она Деклану.

– Это очень скучно. Зачем тратить вечер на такую ерунду? – проворчал Деклан.

– Когда ты вырастешь, то поймешь, что люди тратят на ерунду не только вечера, но утра, дни и ночи, – пробормотала Кейт, извлекая на свет божий синюю юбку в мелкую ломаную клетку. Та выглядела очень прилично и должна была занимать видное место в ее скудном гардеробе.

– Когда я вырасту, то буду жить замечательно, – грустно сказал Деклан. – Буду есть чипсы на завтрак, обед и ужин и не спать аж до одиннадцати вечера. Конечно, если захочу.

Он прижался круглым лицом к стеклу и с завистью посмотрел вслед близнецам, бежавшим по Ривер-роуд, и Эдди, который сунул руки в карманы и переходил мостик.

Кейт обнаружила в юбке роковой изъян: сломанную молнию и дырку в форме треугольника, оставшуюся на память от столкновения с дверной ручкой.

– И даже до половины двенадцатого, – сказал Деклан, посмотрев на нее искоса. Это должно было означать, что при составлении долгосрочных планов на будущее он полумерами не ограничится.

* * *

Вечер был светлый и теплый. Эдди смотрел на людей с дощечками и инструментами.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Проводим топографическую съемку.

– А что это такое?

– Измерение участка.

– Если так, то почему вы не делаете это с помощью рулетки?

Они посмотрели друг на друга. Эдди был маленький, светловолосый, взлохмаченный и напоминал Почемучку.

– Рулетки нам ни к чему, – сказал один из мужчин.

– Это что, игра? Вроде угадывания веса торта?

– Нет. Чуть посерьезнее.

- А кому нужно знать, какая здесь ширина?
- Парню, который хочет купить этот участок.
- Кто-то собирается здесь жить? – Эдди с удивлением посмотрел на разрушенный Фернскорт.
- Похоже, да.
- Надо же, как ему повезло! – с жаром воскликнул Эдди. – Я бы с радостью жил в доме без крыши и пола, где не нужно вытирать ноги!

* * *

Сначала Дара и Майкл зашли в бакалею Лоретто Куинн за сладостями. Мама всегда говорила, что сливочные тянучки у Лоретто стоят столько же, сколько у всех остальных, но хозяйка будет благодарна им за покупку.

Близнецы решили, что они – единственные покупатели тянучек «Шотландский клан». Судя по виду кувшина, к нему давно никто не прикасался. Лоретто взвесила две унции⁵ и протянула каждому по яблоку в подарок.

– Мы не можем принять такой подарок, – вежливо сказала Дара. Впрочем, возражать было бессмысленно, потому что Майкл уже вонзил зубы в свое яблоко.

– Ешь, ешь. Они достались мне даром, – ответила Лоретто.

Но она слегка кривила душой. Яблоки принес ей старик по кличке Газетный Флинн, бродяга, всю жизнь скитавшийся в окрестностях Маунтферна. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что собирал фрукты с невысоких деревьев или находил гнезда, где неслись мятежные куры, сбежавшие из своих законных мест обитания. Иногда он дарил фрукты и яйца лавочникам, которые взамен угощали его сэндвичем с сыром и чашкой чая.

– За рекой кипит работа. Там ходят какие-то парни с камерами на длинных ходулях, – поделилась с ними Лоретто.

Ей нравились близнецы, общительные, но не нахальные. Их младший брат Эдди был сделан совсем из другого теста.

– Это теологисты, – уверенно заявила Дара.

– Или что-то в этом роде, – добавил стремившийся к точности Майкл.

– Может быть, они снимают фильм, – с надеждой сказала Лоретто. – Хорошо, если бы это была новая версия «Тихого человека»!

Дара не улыбнулась.

– Я думаю, тут все переменится. Кто-то хочет купить Фернскорт и переделать его.

– Мы расскажем вам, если что-нибудь узнаем, – пообещал Майкл.

Лоретто стояла на пороге своего захудалого магазинчика и смотрела вслед близнецам, которые устремились к мосту в центре Маунтферна.

* * *

Говорили, что водитель, едущий по шоссе и наклонившийся, чтобы зажечь сигарету, пропустит оба указателя «Маунтферн». А если даже заметит один из них, свернет, опишет полукруг Бридж-стрит – река Ферн – Ривер-роуд и снова вернется на шоссе, то еще долго будет гадать, что же за город он проехал.

Одна из двух улиц, Бридж-стрит, практически заканчивалась у моста, где стояла церковь. За мостом она сужалась и превращалась в извилистый проселок, который вел к отдаленным

---

⁵ Одна унция равняется 28,3 г.

хуторам и мелким фермам. Бридж-стрит хорошо смотрелась при ярком солнечном свете, подчеркивавшем пастельные тона домов и магазинов, стоявших лицом к дороге. Некоторые из них были белыми – например, дом Джуди Бирн или пивная и похоронное бюро Конвея. Другие – розовыми, как писчебумажный и книжный магазин Леонарда или маленький ювелирный магазин Мигера, где торговали наручными и настольными часами, а также сувенирами, лежавшими в коробках с целлофановым верхом. Молочная Дейли была ярко-зеленой. Миссис Дейли, очень довольной этим цветом, лестило, когда Фергус Слэттери говорил, что без солнечных очков на ее магазин смотреть невозможно.

Но некоторые дома не красили и не штукатурили. Вроде высокого дома старого мистера Слэттери, к двери которого вели ступеньки; тот зарос плющом. Такими же были полицейский участок и пресвитерская. Кинотеатр «Классик» когда-то был бежевым, но теперь выглядел запущенным и облупившимся. Коттедж настоятеля маленькой протестантской церкви мистера Уильямса утопал в розах; жена мистера Уильямса в саду дневала и ночевала. Для постороннего наблюдателя Маунтферн казался тихим, сонным, плохо спланированным городком, тянувшимся к реке и не имевшим намека на центр.

Конечно, раньше им было поместье, сердцевиной которого являлся барский особняк. Дни, когда все здесь зависело от одной семьи, давно прошли. Но городок сумел пережить дом.

Фермерам требовалась школа, куда можно было бы посылать детей, магазины, которым их жены могли бы продавать овощи, яйца и птицу и в которых они могли бы покупать промышленные товары, вместо того чтобы ездить за ними в настоящий город, находившийся в шестнадцати милях дальше по шоссе.

Приезжий счел бы Маунтферн стоячим болотом, но таковых в городке практически не было. Маунтферн ничего не мог предложить любителям достопримечательностей. Для приезда сюда требовалась особая причина; казалось, здесь никогда ничего не происходило.

Но Дара и Майкл так не думали; для них Маунтферн был центром мира и должен оставаться таким всегда. Они покидали его не чаще четырех раз в год, когда ездили в ближайший город. Конечно, во время летних экскурсий они бывали в Дублине, а однажды в раннем детстве ездили туда с папой и мамой на Рождество и видели в тамошних магазинах Санта-Клауса. Слыша рассказ об этой поездке, Эдди зеленел от зависти и спрашивал, почему такое же путешествие не устроили для остальных членов семьи.

– Потому что при виде тебя Санта-Клауса стошнило бы, – объясняла ему Дара.

Однако в тот вечер близнецы забыли о том, каким гвоздем в стуле может быть их младший брат Эдди. Они преследовали свою цель: понять, что происходит в Фернскорте. Они видели людей с измерительными приборами, но не хотели спрашивать их прямо: это было бы слишком вызывающе. Близнецы не стовариваясь решили сначала выяснить, что думают об этом местные жители. Вооруженные знанием, они могли бы встретиться лицом к лицу с людьми, про которых Лоретто думала, что они снимают новую версию «Тихого человека» – более спокойную, потому что центральные графства Ирландии не столь живописны, а таких женщин, как Морин О’Хара, в них и вовсе нет.

По дороге к мосту они прошли мимо автомастерской Койна. Джек работал, как обычно. Казалось, он работал день и ночь, не вынимая изо рта сигареты.

Близнецы слышали, как их отец говорил, что если Джек Койн еще не взорвал весь Маунтферн своим маслом и бензином, то только по Божьей милости. Даре и Майклу мистер Койн не слишком нравился; у этого человека был такой вид, словно он искал, с кем бы подраться. Конечно, он был старый, почти такой же старый, как мама с папой, маленький и остролицый. Мистер Койн был холост и всегда говорил, что мужчина, по собственной воле женящийся на женщине, которая будет его пилить и тратить заработанные им деньги, сочувствия не заслуживает. Однажды Дара сказала ему, что, если бы так думали все, давно настал бы конец света.

Джек Койн ответил, что так было бы лучше для всех, и посоветовал Даре вспомнить этот разговор, когда она вырастет и начнет мечтать о любви и прочей чепухе.

– Добрый вечер, мистер Койн. – Хоть этот тип и старый хрыч, но вежливость соблюдать следует.

– Опять шляется? – неодобрительно спросил он. – Я слышал, что кое у кого есть виды на Фернскорт. Так что скоро вашим прогулкам настанет конец.

– Какие виды? – Близнецы пропустили мимо ушей оскорбительный намек; злить Джека Койна не следовало.

К своей величайшей досаде, Джек Койн этого не знал. Геодезисты разговорчивостью не отличались. Но свое мнение у него имелось.

– Я слышал, это будет большой монастырь, так что рад вам сообщить: хулиганить детям местных прихожан больше будет негде. Ради разнообразия вам придется учиться. Как нам в вашем возрасте.

– А какой будет монастырь? Мужской или женский?

– Об этом сообщат позже, – сказал Джек Койн, который на самом деле ничего не знал.

– Правда, он похож на свинью? – весело сказала Дара, когда мастерская осталась позади. – На маленькую, черную, наглую свинью.

– Попробуй представить себе, каким он был в детстве, – ответил Майкл и протянул ей кулек с тянучками. Задача оказалась для обоих слишком трудной.

– Наглым поросенком, – наконец сказал Майкл, когда они добрались по главной улице до моста и свернули налево. Оба залились хохотом.

На мосту близнецам делать было нечего; даже Китти Дейли считалась недостаточно взрослой для небольшой группы молодых людей, которая встречалась там по вечерам. Майкл и Дара видели парней, которые сидели на каменном парапете и смешили девушек. Тут была Тереза Мигер, отец и мать которой вечно ругались. Тот, кто проходил мимо магазина Мигеров после его закрытия, всегда слышал громкие голоса. Говорили, что Тереза хотела искать работу в Дублине, но родители подняли такой крик и так уговаривали не уезжать, что ей пришлось остаться. На мосту не флиртовали. Это делали на берегу реки, в роще Койна или в кино.

Служба закончилась, и отец Хоган запирал церковь. Он помахал Майклу рукой и без особой уверенности спросил:

– Ты не сможешь спеть «Панис ангеликус»?⁶

– Нет, отец, к сожалению, не смогу. Мне слон на ухо наступил.

– Не морочь мне голову. На концерте ты был в числе хористов. Почему бы тебе...

– Нет, отец, петь я не умею. К тому же никто не знает, что случится с моим голосом в ближайшее время.

Майкл спал и видел, что голос у него начал ломаться, как у Томми Леонарда. Каждое утро мальчик проверял свой голос и разочаровывался: тот звучал по-прежнему.

Дара не пожелала помочь священнику:

– Отец, если бы вы слышали, как он по утрам поет в ванной, то заплакали бы.

– Я тебя убью! – прошипел Майкл.

– Я не собираюсь упрашивать и уговаривать тебя, – обиженно сказал отец Хоган. – Не думал, что мальчику-католику придется льстить и умолять спеть его в доме Божьем.

Дара поняла, что она слишком далеко зашла.

– Отец, я просто хотела его подразнить. Честное слово, поет он хуже некуда и просто подведет вас. Голос у него ржавый, как старая консервная банка. Я знаю, он спел бы, если бы мог. Но брат Кин взял его в хор просто для количества, чтобы заполнить сцену.

---

⁶ «Хлеб ангелов» (*лат.*), строфа гимна «*Sacris solemniis*», написанного Фомой Аквинским, исполняется как отдельное произведение.

Отец Хоган сказал, что если так, то ладно.

– Ну вот, – обрадовалась Дара. – Теперь он от тебя отстанет.

– По-моему, ты слегка перегнула палку. – Майклу не понравилось, что его голос сравнили с ржавой консервной банкой. Иногда Дара была слишком многословна... Тем временем они добрались до дома Томми Леонарда. Канцелярский магазин был уже закрыт, поэтому близнецы постучали в заднюю дверь. Томми открыл ее и прижал палец к губам. За его спиной раздался голос:

– Томас, ты куда собрался?

– Хочу немножко прогуляться.

– Ладно, но чтобы вернулся не позже девяти. И не играл с этой бандой хулиганов.

– Согласен. – Характер у Томми был добродушный. Этот мальчик предпочитал впускать приказы в одно ухо, а выпускать в другое. Таков был его принцип. Вполне достаточно сказать «да» или «нет»; это избавляет от множества сложностей. Майкл считал, что его друг совершенно прав: если бы у него были такие же ужасные родители, как у Томми, он вел бы себя точно так же. А вот Дара была с этим не согласна. На месте Томми она все объяснила бы и не стала выслушивать нудные нотации. Молчание только поощряет их.

Мэгги Дейли сказала, что им придется подождать: она просто обязана показать Даре роскошное желтое платье, которое ей прислали из Америки. Все они получали посылки из Америки. Конечно, не так часто, как прежде, когда Маунтферн был беднее, американские дяди и тети щедрее, а почта дешевле. Честно говоря, в последнее время посылки из Америки были редкостью. Возможно, миссис Дейли ничего не сказала бы про посылку и ее содержимое, но Мэгги так радовалась желтому платью, что ей не терпелось его продемонстрировать.

К несчастью, в спальне была Китти.

Когда вошла Дара, Китти зевнула.

– Хочешь примерить?

– Хотя бы посмотреть, – ответила Дара. Китти была настоящей язвой.

– Ничего подобного. Ты пришла, чтобы примерить платье. Думаю, скоро сюда сбежится половина Маунтферна. Набьется куча девчонок в комбинациях и станет рвать платье друг у друга из рук.

– Ты будешь его носить? – спросила Дара Мэгги, подчеркнуто не обращая внимания на ее старшую сестру.

– Не думаю. – Мэгги была рада возможности посоветоваться. – Понимаешь, оно с низким вырезом и чересчур велико мне. Я в нем просто теряюсь. Но оно такое роскошное, что перешивать жалко. Даром потрачено столько ткани! – Мэгги алчно смотрела на желтое шелковое платье с нижней юбкой, желтой вышивкой и блестками на лифе. Такое платье можно было увидеть только в кино; фасон был слишком взрослым, но пышные рукава делали его похожим на детский. Даре хотелось примерить платье, однако она скорее умерла бы, чем признала правоту Китти.

– Не расстраивайся, Мэгги. Мисс Хейз прекрасно с этим справится. – Мисс Хейз была местной портнихой, но, насколько знали девочки, никогда не имела дела с такой чудесной тканью.

Китти лежала на кровати и читала биографию Элен Шапиро, которая сумела прославиться еще в детстве, потому что у нее был голос, обеспечивший ей место в хит-параде. «Черта с два она прославилась бы, если бы родилась в Маунтферне», – мрачно подумала Дара.

– Что бы ни сделала с платьем мисс Хейз, на Мэгги оно будет выглядеть смешно. Для такого фасона нужна грудь. А у Мэгги на нее нет и намека.

– Ни у кого из нас еще нет груди! – с жаром воскликнула Дара. – Но можно подложить в лифчик пару свернутых носков. Как часто делаешь ты, Китти Дейли!

– Это ты ей сказала! – Китти покраснела от гнева и бросила на Мэгги грозный взгляд.

– Я ничего не знала! – честно ответила испуганная Мэгги.

– Все, Мэгги, не мешай Китти читать. Мы зашли только на минутку. – Дара почувствовала, что пора уносить ноги. Девочки аккуратно повесили желтое платье на вешалку и накрыли его прозрачным чехлом из пластика, тоже лежавшим в посылке. Более красивой вещи они никогда не видели. И завидовали кузине Дейли, которая жила где-то в Америке и надевала этот наряд на бал юниоров⁷. Что бы это ни значило.

Они шли на протестантское кладбище, расположенное в верхней части города. Там никто не стал бы им мешать. Викарий мистер Уильямс понимал, что эти дети не станут играть в прятки среди надгробий; они с уважением относились к могилам членов семьи Ферн и здешней маленькой протестантской общины.

Там можно было поговорить без помех. Бездетные мистер и миссис Уильямс хорошо относились к чужим детям.

Стайка неторопливо брела по Бридж-стрит, с завистью глядя на кинотеатр «Классик», где шла «Стеклянная гора». Будь у них деньги и свобода, дети ходили бы туда каждый день.

– Когда мы вырастем, так и произойдет, – сказала Дара.

Томми Леонард в этом сомневался; он считал, что и тогда будет то же самое.

Они заглянули в бакалею-пивную Конвея и увидели ноги трех посетителей бара, расположенного в дальней части зала. Дети часто играли, пытаясь угадать, чьи это ноги.

В других местах игра не имела смысла, потому что те, кто пил у Фоли, Данна и самих Райанов, делали это открыто. Только у Конвея люди притворялись, что их там не было.

За бакалеей Конвея стоял дом доктора Уайта, и они зашли туда за Лайамом и Джасинтой. На сегодня это было все; другие дети, с которыми они играли, жили в деревне, а некоторым не разрешали гулять по вечерам. Часть мальчиков играли в футбол за школьную команду, некоторые девочки должны были помогать матерям по хозяйству, а кое-кто просто не заслуживал чести быть приглашенным на вечернюю прогулку.

Шестеро пришли на кладбище и сели у памятника, который им особенно нравился.

Это был памятник восемнадцатилетнему Уильяму Джеймсу Ферну, погибшему в 1881-м на холме Маджуба в Трансваале. Дети знали, что тогда шла англо-бурская война и он сражался с голландскими колонистами в Южной Африке.

– Господи, как далеко, – часто говорила Мэгги.

– Наверное, ему хотелось сбежать отсюда, – отвечал Томми Леонард, знавший толк в таких делах.

Но Дара этого не понимала:

– Зачем ему понадобилось убегать и воевать за чужую страну? Чем ему не нравился Маунтферн? В конце концов, ему уже было восемнадцать, он мог делать что хотел. Например, ходить в «Классик» каждый вечер. – Она посмотрела на лица собеседников. – Конечно, если в восемьсот восьмидесятых «Классик» уже был. Но как-то не верится.

Впрочем, сегодня им не было дела до покойного Уильяма Джеймса, погибшего на холме Маджуба. Сегодня они говорили о том, что случится со старым домом Уильяма. О том, что происходило в Фернскорте.

Впрочем, не они одни. Если бы дети могли заглянуть в каждый дом на Бридж-стрит и Ривер-роуд, то убедились бы, что там обсуждают то же самое.

В начале улицы старый Мэтт Фоли и его дружки говорили, что в Фернскорте нашли нефть. Какой-то парень вытащил изо мха сверло, конец которого был испачкан нефтью. Значит, скоро они начнут бурить.

Рядом с баром Фоли стоял аккуратный домик физиотерапевта Джуди Бирн. Сегодня у Джуди сидела Мэриан Джонсон, владелица поместья Грейндж, где часто останавливались

---

⁷ Здесь: бал учеников предпоследнего класса.

высокопоставленные любители охоты. Обоим женщинам было около сорока, обе были незамужними и уже не надеялись найти себе пару в данной части страны, но друг другу в этом ни за что не признались бы.

Они слышали, что в Фернскорте хотят устроить сельскохозяйственный колледж. Если так, это было бы чудесно: в их краях появились бы образованные мужчины. В честь такого события не грех выпить по рюмочке хереса.

Симус Шихан, живший при полицейском участке, получил нагоняй от жены. Почему он ничего не слышал о Фернскорте? Все остальные знали, что там происходит. Какой смысл быть женой сержанта, если он – единственный человек в стране, который не знает, что творится у него за спиной?

Сразу за полицейским участком стоял дом, в котором жили Джимбо Дойл и его мать. Мать слышала, что Фернскорт купил орден монахинь-отшельниц. Они поставят на окно решетку и будут снимать ее, когда одна из монахинь, мать-настоятельница, станет общаться с окружающим миром. Но это будет происходить только при необходимости. Иными словами, нечасто.

Мать сказала Джимбо, что монахиням понадобится человек, на которого можно положиться, и посоветовала не зевать, иначе место достанется кому-нибудь другому.

Джимбо, которому вовсе не улыбалось стать мастером на все руки в ордене монахинь-отшельниц, спросил, в чем, по мнению матери, будут заключаться его обязанности. Может быть, в общении с папой или с местным епископом, который, по слухам, тоже является мужчиной? Мать ответила, что хоть кто-то в семье должен думать о практической стороне жизни, а не ржать и орать похабные песни.

В пабе Пэдди Данна тут же прекратились все разговоры о переезде к брату в Ливерпуль. Теперь пуп земли находился здесь. Пэдди Данн узнал это от одного коммивояжера, который пытался уговорить его купить бисквиты. Бисквиты в пивной! Заодно выяснилось, что этот человек все знал о Фернскорте: там будет сельскохозяйственный исследовательский центр. Приедут иностранцы, станут изучать почву, растения, и в результате здесь появится настоящий научный городок. Умный человек немного расширит дело, а потом продаст его, когда цены поползут вверх. Над этим следовало поразмыслить.

Шейла Уилан сидела в удобной гостиной за почтой и слушала концерт, передававшийся по «Радио Эйреанн». Она любила Штрауса, но думала вовсе не о людях, танцующих в Вене; почему-то эта музыка напоминала ей время, когда она в первый раз приехала в Маунтферн с Джо Уиланом. Он повел ее в рощу Койна, где было полно голубики. Земля была буквально усыпана ягодами. Они собирали их горстями, и Джо говорил, что любит музыку и станет водить ее на концерты. Говорил много чего. Усталая Шейла откинулась на спинку кресла. Она знала о Фернскорте немного больше остальных, потому что через нее проходили все телеграммы. Но всего не знала и почтмейстерша. Она вздыхала и думала о грядущих переменах.

В доме Уайтов, стоявшем напротив, доктор пересказывал жене мнения других людей. Большинство говорило о монахинях, но многие высказывались в пользу колледжа, а меньшинство упорно говорило о строительстве двенадцати роскошных бунгалов с садами в четверть акра и видом на реку.

– А что из этого лучше? – задумчиво спросила миссис Уайт.

– Все зависит от точки зрения. – Доктор Уайт был философом. – Если Джасинта собирается вступить в монашеский орден, это пойдет ей на пользу. Но если девочке суждено выйти замуж за миллионера, будем надеяться, что она сможет купить одно из этих новых бунгалов.

– Значит, каждый будет искать в этом собственную выгоду, – внезапно сказала миссис Уайт; казалось, эта мысль не доставила ей никакого удовольствия.

В стоявшей рядом бакалее Конвеев мисс Барри пила портвейн, полезный для желудка. Испуганная домоправительница съезжилась на высокой табуретке. Конвеи хотели, чтобы она

купила бутылку портвейна и унесла ее с собой; всем было неловко смотреть на то, как бедняжка нервно оглядывалась по сторонам и уверяла, что у нее бегут по спине мурашки, а это означает, что тело настойчиво требует тепла.

Мисс Барри слышала, что в земле нашли нефть, что скоро приедут ученые и начнут изучать месторождение, но для отвода глаз создадут монастырь для сестер-отшельниц; в ее варианте три сценария слились воедино. Как ни странно, она нашла в Конвеях безмолвных, но внимательных слушателей. Они смотрели на пожилую домоправительницу так, словно верили каждому ее слову. Все слышали отдельные фрагменты истории, но эта версия позволяла связать их в единое целое.

В «Классике» двадцать три человека смотрели «Стеклянную гору», в то время как хозяин кинотеатра Деклан Моррисси сидел в будке киномеханика и читал статью, вырезанную из воскресной газеты. Неужели дни кинопроката действительно сочтены? Как быть? Ликвидировать дело или подождать и проверить, насколько правдивы слухи о том, что половину гражданских служб переведут из Дублина в центральные графства? Было бы очень глупо продавать «Классик» как раз накануне прибытия толпы потенциальных зрителей.

В часовом и ювелирном магазине Мигеров, родителей Терезы, происходила очередная ссора. Миссис Мигер говорила, что, даже если в Маунтферне поселится сам принц Уэльский и начнет устраивать приемы, для нее ничего не изменится. После выхода замуж за мистера Мигера ее жизнь стала юдолью слез.

Внезапно мистер Мигер почувствовал усталость; у него заболели грудь и рука. Он сказал, что хочет прекратить перепалку и лечь спать. Возможно, к утру ему полегчает. Возможно, его жена права. Жизнь – это действительно юдоль слез; наверное, в этом есть и его вина. Утром он попытается придумать, как можно помочь делу.

* * *

На следующее утро Терезу Мигер послали к доктору Уайту, но было уже поздно. Мистер Мигер так и не оправился от сердечного приступа. Доктор Уайт знал, что его пациент умер, но все же сумел договориться, чтобы его забрали в городскую больницу. Так было легче для родных. В этом и заключалась большая часть его работы. Уменьшить скорбь. Предупредить наступление этого сердечного приступа было практически невозможно. Фрэнк Мигер ел как обжора, выступающий в цирке, выкуривал по четыре пачки сигарет в день и жил в нервной обстановке, которая должна была прикончить его много лет тому назад. Доктор Уайт посоветовал миссис Мигер поплакаться в жилетку канонику. Выцветшие голубые глаза старого священника слезились; он так проникновенно говорил о счастливой жизни семейной пары, что вскоре миссис Мигер поверила в это сама.

Весть о смерти Фрэнка Мигера быстро облетела весь Маунтферн. В канцелярском магазине Леонарда родители Томми быстро выложили на прилавок открытки с надписью «Глубоко сочувствуем» и перерыли ящики в поисках поминальных открыток с черной каймой и букетами цветов. Люди захотят отдать усопшему дань уважения во время заупокойной мессы.

У Конвеев поняли, что понадобится гроб, и начали думать о его подготовке. Фрэнк Мигер был человеком тучным, так что гроб потребуется большой. Ясно как божий день: жена будет испытывать чувство вины за жизнь, которую она ему устроила, поэтому гроб потребуется дорогой. Но возможно, страховка у Мигера мизерная. Если так, то вдове следует предложить обычный гроб.

На утренней семичасовой мессе прочитали заупокойную молитву. Верующие склонили головы. Мисс Пёрселл, мисс Хейз и мать Джимбо Дойла обменялись взглядами. Они могли бы сказать о Мигерах многое, но не сейчас, после столь тяжелой утраты.

* * *

Неулыбчивая мисс Пёрселл вела хозяйство Слэттери, не жалея на это сил. Одежда старого мистера Слэттери была выстирана, выглажена и починена, ботинки блестели, а во время обильного завтрака, неизменно подававшегося в половине девятого, на столе лежала газета. Мисс Пёрселл уже побывала на семичасовой мессе в церкви, которую посещала каждый день, успела сходить к Дейли за молоком и к Леонардам за газетой. За Фергусом мисс Пёрселл ухаживала не хуже. Рубашки молодого человека были выглажены и висели в большом платяном шкафу, стоявшем в его комнате. Рубашку, которую Фергус собирался надеть на следующий день, всегда клали в сушилку: мисс Пёрселл отчаянно боялась сырости.

У Фергуса было несколько пуловеров с треугольным вырезом; почти все они серые и голубые. Долгими вечерами, когда остальные развлекались, мисс Пёрселл вязала ему новые свитера и чинила старые. Эти вещи, старомодные и самодельные, только усиливали свойственное Фергусу мальчишеское очарование. У многих девушек замирали сердца, когда они по вечерам видели Фергуса в рубашке с короткими рукавами, сидевшего за письменным столом со включенной лампой и читавшего какие-то документы; при этом он часто сдвигал на лоб очки, поблескивавшие в пышной темной шевелюре.

Если бы Фергусу предложили тысячи фунтов за изменение позиции или отношения к делу, он на это не пошел бы. Мисс Пёрселл говорила своим немногочисленным подругам, что с Фергусом так же приятно общаться, как и с его отцом. Он – вежливый и внимательный молодой человек, всегда открывает ей дверь, носит ведра с углем и неизменно хвалит все блюда, которые она подает на стол. Второго такого нет во всей округе. Мисс Пёрселл никогда не понимала его шуток, но, судя по всему, Фергус был человеком остроумным, потому что его клиенты смеялись до колик. Когда они уходили, то часто говорили, что Фергус слишком добр для адвоката. Мисс Пёрселл это тревожило; она читала по две новенны⁸, чтобы Фергус стал менее добрым, если эта доброта вредит его практике. Иногда Фергус сам чистил свою обувь, считая, что не годится женщине чистить черные туфли на шнурках, которые он носил целый день. Но мисс Пёрселл не нравились отступления от заведенного порядка. Следя за усилиями Слэттери-младшего, она неодобрительно фыркала и просила не позорить ее, разгуливая по городу в такой плохо вычищенной обуви.

Говорили, что каноник завидовал Слэттери и мечтал поменяться с ним экономками. Конечно, чопорная мисс Пёрселл вела бы его хозяйство куда лучше, но мисс Барри слишком долго прожила в его доме, идти ей было некуда, поэтому христианская доброта не позволяла Морану заменить ее кем-то другим. Во всяком случае, он ни разу не попытался это сделать.

У высокой и худой мисс Пёрселл было маленькое личико с румяными щеками, придававшими ей обманчиво веселый вид. Два красных пятна становились еще краснее, когда мисс Пёрселл что-то не одобряла. В то утро за завтраком пятна были очень красными; это свидетельствовало, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Отец и сын изо всех сил старались отдалить неприятную новость.

– Хочешь половину «Индепендента»? – спросил отец, протягивая Фергусу несколько газетных страниц.

– Лично я предпочитаю «Таймс». Жалко, что мы ее не получаем, – ответил Фергус. Оба тщательно избегали взгляда мисс Пёрселл, которой явно не терпелось открыть рот.

– Я бы согласился с тобой, но в «Айриш таймс», в отличие от «Индепендента», не печатают некрологов. А провинциальному присяжному поверенному необходимо знать, кто умер.

---

⁸ *Новенна* – цепь католических молитв или служб, продолжающаяся девять дней подряд.

– Если так, то зачем вообще покупать газету? Лучше ходить к Леонардам и узнавать новости прямо там, – предложил Фергус.

– Мы с тобой живем в маленьком городке. Разве можно лишать Леонардов дохода? Этак все начнут приходить сюда и заглядывать в наши юридические справочники. Какой в этом смысл? – Раздосадованный мистер Слэттери зашелестел своей половиной газеты.

Мисс Пёрселл откашлялась.

– Здесь мисс Райан. Я сказала ей, что еще рановато, но, кажется, она думает, что вы ждали ее до девяти.

– Что, Мэриан Райан опять хочет переписать завещание? – Мистер Слэттери посмотрел на нее сквозь очки.

– Нет, это Кейт. Кейт Райан из пивной Райана на Ривер-роуд, – сказал Фергус. – Верно, мисс Пёрселл?

– Да, мастер⁹ Фергус, это миссис Райан, вы правы. Но если вас интересует мое мнение...

– Да, мисс Пёрселл? – Фергус решил встретить беду так, как положено мужчине.

– Миссис Райан пришла пять минут назад и сказала, что она собирается здесь работать.

– Все правильно, – весело ответил Фергус. – Она приступает к своим обязанностям с сегодняшнего утра. В отличие от остальных обитателей Маунтферна, она симпатичная и пунктуальная.

– Я не помню случаев, чтобы в этом доме когда-нибудь опаздывали... – начала уязвленная мисс Пёрселл.

– О нет, мисс Пёрселл, ради бога, речь не о вас, а обо всех остальных.

– А что здесь будет делать Кейт Райан из пивной? Почему никто не посоветовался со мной? – Пятна на щеках экономки побагровели. Даже старый мистер Слэттери отложил газету и с опаской посмотрел на обоих, став похожим на испуганную курицу.

– Надеюсь, многое. – Фергус был сбит с толку этой бурей и внезапным разжалованием миссис Райан в Кейт из пивной.

– Я проработала в этом доме девятнадцать лет, но ни разу не видела такого обращения. – Мисс Пёрселл стала выше ростом и превратилась в жердь, дрожащую от гнева. – Если моя работа вас не удовлетворяет, то вы могли бы сказать об этом заранее. А не унижать приходом этой Кейт Райан из пивной. С корзинкой, в переднике, готовой делать за меня мою работу.

У мужчин полезли глаза на лоб. Очки старого мистера Слэттери со стуком упали на стол.

Фергус вскочил на ноги:

– Мисс Пёрселл, мисс Пёрселл, что это пришло вам в голову? С чего вы взяли, что мы недовольны тем, как вы ведете хозяйство? Разве вы не делаете это лучше всех в городе? Разве нам не завидует весь Маунтферн, включая самого каноника? Как вы могли подумать, что мы хотим взять кого-то вам в помощь, да еще не предупредив вас...

– А тогда почему эта Кейт из пивной пришла с корзинкой?

– Понятия не имею, что у нее в корзинке, но миссис Райан будет заниматься у нас канцелярской работой. Вы же знаете, что она работала секретарем в дублинской юридической конторе. Кейт будет заниматься делопроизводством и печатать письма.

– Ох... – Мисс Пёрселл потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Теперь вы понимаете, что ошиблись? Мы всегда относились к вам с огромным уважением, правда, папа?

– О боже, конечно, правда. Мисс Пёрселл, этот дом пропадет без вас, – с тревогой сказал мистер Слэттери.

– Но ведь теперь эта Кейт... эта миссис Райан и ее родные будут знать все ваши дела. Личные дела всех жителей города, – не сдавалась мисс Пёрселл.

---

⁹ *Мастер* – обычное обращение прислуги к сыну хозяина.

– Мы не стали бы брать ее на работу, если бы не знали, что ей можно доверять. Конечно, такого преданного и сдержанного человека, как вы, мисс Пёрселл, найти нелегко. Как сказал мой отец, на вас держится этот дом, но мы думаем, что нашли того, кто сможет помалкивать о наших делах так же, как это делаете вы. С вашей стороны очень любезно заботиться о таких вещах.

Больше говорить было не о чем. Мисс Пёрселл пришлось вернуться в коридор, где она оставила Кейт, проводить ее в контору и спросить, какой чай она предпочитает, с сахаром или без. А также что ей подать к чаю – галеты, сладкое печенье или домашний хлеб с черной смородиной. Кейт мудро выбрала домашний хлеб и достала четыре корзиночки с малиной, которые принесла в подарок, так как слышала, что мисс Пёрселл делает лучший джем во всем графстве. Красные пятна на щеках экономки начали блекнуть, и обращение «миссис Райан» перестало быть саркастическим. Так карьера Кейт началась заново. По утрам торговли в пивной почти не было, и Джон согласился с ней, что несколько фунтов, заработанных у Слэттери, не будут лишними. Маленький Деклан должен был пойти в школу, так что дома оставался только Джон, а накрыть ланч на одного для Карри не представляло труда. Сидеть за пишущей машинкой гораздо приятнее, чем стоять за стойкой, хотя бы ради разнообразия. Мистер Слэттери был настоящим старомодным джентльменом, проводившим все больше и больше времени за рыбной ловлей, а лучшего компаньона, чем Фергус, не было на всем белом свете. Он постоянно подшучивал над собой, смешил ее, от души сочувствовал людям, которые обращались к нему за помощью, не торопился посылать счет тем, кому было трудно его оплатить, но не щадил тех, кто замышлял мошенничество или скрывал свои доходы.

Фергус сказал Кейт, что работы у нее будет немного. Раньше он справлялся с этим сам, поскольку быстро печатал двумя пальцами и умел вести делопроизводство. Но он хочет поскорее заменить отца, добиться того, чтобы люди ему доверяли, а не считали мальчиком в коротких штанишках. Поэтому Кейт станет для него подарком судьбы. И он не ошибся. Через три дня Кейт поняла, что его система хранения документации никуда не годится, и усовершенствовала ее.

– Идите сюда. Я покажу вам, где теперь лежат документы, – велела она.

– Нет, нет, это ваша работа, за которую мы платим вам сумасшедшие деньги, так что и смотреть не буду.

– Неправильно! – воскликнула Кейт. – Вы обязаны понимать систему, иначе она окажется для нас бесполезна. Вы не будете знать, куда вернуть письмо, где лежит то или иное дело или документ. А вдруг я заболею гриппом, вы меня уволите или заработаетесь допоздна? Пойдемте. Это займет у вас всего десять минут.

– Вы командуете своей пивной так же? – спросил Фергус.

– Конечно нет. Но мне приходится вести счета. Поэтому я заставила Джона тоже освоить это дело. Иначе счета копились бы и ждали моего возвращения, а все следует делать по горячим следам.

– При ваших организаторских талантах пивная должна быть настоящим золотым дном.

– Приходите как-нибудь вечером, выпейте пинту и полюбуйтесь сами, какое это золотое дно. Если бы дело обстояло так, вряд ли я стала бы заниматься делопроизводством у прекрасных профессионалов, слишком ленивых, чтобы возиться с почтой. Допустим, вам нужен запрос городской налоговой инспекции о размере компенсации, выплаченной строителю, который получил травму на производстве. Где вы будете его искать?

– В скверные прежние дни я сказал бы: на столе у окна.

– А в нынешние хорошие?

– Забыл. Покажите, юная миссис Райан, покажите.

– Слава богу, что я счастлива в браке. Иначе вы разбили бы мне сердце.

– А вы уверены, что счастливы в браке?

– Абсолютно. А вам пришло время завести новый роман. Нора Линч отправилась осваивать новые территории, но вы и палец о палец не ударяете.

– Послушайте, после той истории с Норой я боюсь лишний раз посмотреть на кого-нибудь. Так что ударять палец о палец я не собираюсь. С меня довольно того ужасного недо-разумения.

– Из-за вас мы потеряли хорошую учительницу. Моя Дара любила ее. А про женщину, которая заменила Нору, она говорит, что ей лет сто и что она имеет привычку время от времени бить их линейкой по костяшкам.

– Бедная Дара... Наверное, мне следовало обручиться с мисс Линч. Тогда она осталась бы в городе, и все маленькие девочки вроде Дары были бы счастливы.

– Вряд ли их счастье продолжалось бы долго, но сейчас речь не о детях. Фамилия этого строителя Берк. Фергус, ради бога, в какой папке вы будете искать его дело?

– В папке, на которой написано «Б»?

– Вы настоящий вундеркинд, – сказала Кейт Райан и села за пишущую машинку.

* * *

– Папа, что ты делаешь? – спросила Дара, заставив Джона вздрогнуть и покраснеть от стыда.

Ему следовало сочинять. Пользуясь тем, что в баре находится Кейт, уже уставшая за утро, проведенное в конторе Слэттери. Но когда долго смотришь на чистый лист бумаги, то потихоньку начинаешь сходить с ума. Джону Райану было не о чем писать и нечего сказать. Он вышел в то, что Кейт называла садом, а все остальные двором, и попытался заняться физическим трудом. «Лицензированная пивная Райана» стояла на самой дороге. Передняя дверь выходила прямо на Ривер-роуд. Никто не слышал о пивной с садом у входа. Продукты, львиную долю которых составляли бочонки, привозили на задний двор с полупустыми сараями и навесами. Туда же выходила задняя дверь дома – единственная, которой разрешалось пользоваться детям. Но в стороне от дома было то, что называлось боковым двором. По этому двору бродили куры. Там же сидела Джаффа, безмятежная, как Будда; она мурлыкала и лениво умывала большую оранжевую морду. Леопольд в этом дворе бывал редко. Псу требовалась публика, сочувствовавшая его хныканью и бросающая подачки, поэтому он любил торчать в пивной. После отвратительного случая на берегу Морис оставался в своем торфяном домике. Джон придумал чудесный способ, позволявший не работать над стихами: он построит большой проволочный вольер. Куры будут жить в вольере, рыть землю и помешают попыткам Кейт разбить там настоящий сад. Как только куры окажутся в загоне, жизнь станет легче. Но Джону Райану хотелось сделать это тихо, тайком от родных. Он не желал признаваться даже самому себе, что уваливает от работы за письменным столом. У Дары был воинственный вид. Темные глаза упрямо смотрели из-под черной челки, руки были засунуты в карманы шорт.

– Ты хочешь что-то изменить? – спросила она тоном человека, который искал себе противника и нашел его.

– Пока что только составляю план, – виновато ответил отец, переминаясь с ноги на ногу.

– Держу пари, это будет что-то новое и ужасное.

– Я хотел собрать всех кур вместе, вот и все, – кротко сказал Джон.

– Им и так хорошо. Они вовсе не нуждаются в том, чтобы быть вместе. Куры не хотят никаких изменений, они довольны тем, что есть. – Глаза девочки подозрительно блестели; казалось, она собиралась заплакать. До сих пор Дара не обращала на кур никакого внимания. Куры были для нее такой же частью пейзажа, как берег реки и ящики во дворе.

Джон Райан присел на корточки и обхватил коленки дочери:

– Ну-ка обними своего старого отца.

– От этих объятий никакого толку, – заявила Дара.

– Верно. – Он поднялся. – Я тебя понимаю. Сам чувствую то же самое. Просто мне не хочется писать стихи, поэтому я пришел поиграть с цыплятами.

Представив себе отца играющим с цыплятами, Дара невольно фыркнула. Но Джона Райана это не обмануло. Он видел, что дочь расстроена, и решил, что причиной этого расстройства является ссора с Кейт. Но он ошибся.

– Папа, мы бедные?

– Нет. Сама знаешь.

– Но и не богатые?

– Совсем не обязательно быть бедным или богатым. Мы, как и большинство здешних жителей, средние.

– А когда-нибудь мы будем богатыми?

– Мы будем нормальными. Чем вызван такой интерес к деньгам?

– Нам понадобятся деньги, чтобы купить дом. – Выражение ее лица было очень решительным.

– Глупышка, у нас же есть дом. Вот он. – Джон обвел рукой недавно побеленную пивную.

– Не этот. Я говорю про Фернскорт, где сейчас копают. Расчищают участок для какого-то американца, который будет жить там до тех пор, пока мы не сможем купить у него дом.

– Ну, ну, Дара, – начал успокаивать ее Джон.

Но девочка сердилась и не хотела, чтобы ее успокаивали.

– Это наш дом! Мой, Майкла и всех остальных.

Джон вздохнул:

– Не хочешь прогуляться?

– Не хочу.

– Я тоже не хочу гулять с такой упрямой ослицей, но придется.

– И куда мы пойдем?

– В Фернскорт.

– Тогда ладно.

Кейт Райан, беседовавшая в баре с не слишком симпатичными ей Джимбо Дойлом и Джеком Койном, увидела через окно две фигуры, шедшие по мостику. Мужа, который должен был в это время писать стихи, и дочери, в последнюю неделю напоминавшей дикобраза. У нее чесались руки постучать в стекло, но тогда вредный Джек Койн всем раззвонил бы, что муж у нее под каблуком. Доставить ему такое удовольствие было нельзя.

Кейт знала, что она чересчур порывиста. Во время недавней исповеди она призналась канонику Морану в грехе вспыльчивости. Каноник Моран посоветовал Кейт в минуты, когда ее одолевает искушение сказать что-нибудь резкое, думать о Богоматери. Думать о том, что на ее месте сказала бы Пресвятая Дева. Говорить то же самое не требуется; достаточно просто подумать. Этой мысли хватит, чтобы воздержаться от ядовитой реплики, способной причинить боль другому человеку.

Глядя на мужчину и девочку, державшихся за руки и шедших по мостику, Кейт подумала о том, что Богоматерь могла бы благословить их и пожелать им всего хорошего. Что ж, Кейт Райан тоже способна на такое. Она повернулась и посмотрела на Джека Койна и Джимбо Дойла с улыбкой, которую считала ангельской.

– О боже, Кейт, у тебя что, зубы болят? – тревожно спросил Джимбо Дойл.

* * *

– Мы с Майклом собирались жить там, когда вырастем. Все знали, что мы хотим сделать здесь хорошую крышу и, может быть, окна и дверь. – Дара показала рукой на крыло дома.

– Но это была всего лишь мечта, – мягко сказал Джон.

– Нет!

– Конечно, мечта. Такая же, как человек на луне. Помнишь, когда ты была маленькая, мы перед сном показывали тебе человека на луне? Теперь ты знаешь, что никакого человека там нет, и любишься самой луной, которая светит в небе над Маунтферном.

– Да, но...

– А когда вы с Майклом были совсем маленькие, то перед Рождеством заглядывали в дымоход на кухне. Так же, как в последнее Рождество делал Деклан. Вы думали, что, если дымоход забьется, вы не получите подарков. Но подарки были всегда, и теперь вы не думаете о том, откуда они появлялись, правда?

– Это не то же самое...

– Знаю, что не то же... Просто я хочу сказать, что наши взгляды на вещи не всегда остаются теми же. В течение жизни они меняются, иначе все мы еще жили бы в пещерах, пользовались дубинами или лежали в пеленках.

– Ты не понимаешь... – захныкала Дара.

– Думаю, что немножко понимаю. Правда? – (Взгляд девочки смягчился.) – Со временем все становится слегка другим. Вспомни человека на луне. Но сама луна никуда не исчезает. Она по-прежнему прекрасна. Так же, как стада на холмах, шпиль церкви, рощи и... и Фернскорт.

– По-твоему, ничего не исчезнет, когда сюда явится этот ужасный человек со своими американскими деньгами?

– Почему ужасный? Мы слышали, что у него есть дети. Ты наверняка полюбишь их.

– Ни за что!

– Ну, во всяком случае, познакомишься с ними. Возможно, они тебе понравятся. Разве это так уж невероятно?

– Значит, мы не сможем купить Фернскорт сами?

– Нет. Даже и не думай. Это так же невозможно, как представить себе квадратный круг или Джаффу с шейей, длинной как у жирафа из книжки с картинками. У кошек не бывает длинной шеи. И Фернскорт – не ваш настоящий дом, а всего лишь место, где вы играли летом.

– А как будет теперь? – У Дары перестала дрожать нижняя губа.

– Фернскорт всегда будет вам дорог, но не надо строить иллюзий и начинать копить на него карманные деньги. Иначе будет как в детстве, когда ты спрашивала, нужно ли человеку на луне мыть шею.

– Папа, ты объяснишь это Майклу? Я не мастер объяснять.

– Я тоже.

– И все равно у тебя получится лучше, – деловито сказала Дара. Похоже, Джону все же удалось растолковать ей, что к чему.

Джон Райан не написал стихотворение и не построил вольер для кур, но сумел убедить сердитую девочку, что конец света еще не настал. Теперь от него требовалось только одно: незаметно вернуться домой, чтобы жена не догадалась, что время, отведенное на занятия поэзией, пропало даром.

* * *

В баре стояла такая суета, что супругам некогда было перемолвиться словом, поэтому о выволочке, которой побаивался Джон, не могло быть и речи. Кейт носилась по пивной, как вихрь. Она собирала кружки, мыла и наполняла их прежде, чем Джон успевал моргнуть глазом. Но при этом у клиентов не складывалось впечатления, что их торопят; все делалось для того, чтобы перед ними тут же появилась следующая пинта.

Кейт решили ничего не говорить мужу, пока все не уйдут. Потом она, не повышая голоса до крика и не треща как пулемет, скажет ему тоном, в котором не будет ничего обидного, что она каждое утро встает, отправляет детей в школу, а потом идет в адвокатскую контору. Нет, она не жалуется, но всю вторую половину дня ей приходится выслушивать невыносимую чушь вместо того, чтобы заниматься собственными делами, которых у нее хватает, и стоять за стойкой, чтобы дать мужу возможность поработать... Она будет очень спокойна, но скажет, что возьмет топор и разрубит его пополам.

Масла в огонь подлило поведение Эдди и Деклана, которые, несмотря на строгий запрет, явились в пивную узнать, можно ли им снова взять черепаху. Они ворвались в паб, перемазанные джемом, который Карри так и не смогла уберечь. Оба были облачены в немыслимые лохмотья и выглядели как цыганята. Теперь все маунтфернские пьяницы – которые и без того косились на Кейт, потому что она была здесь чужой и совершила преступление, придя со стороны в семейный бизнес – обвинят ее в самом страшном из грехов: наплевательском отношении к детям. А разве Джон поддержал ее? Разве заставил детей уйти, повелительно махнув рукой и грозно прикрикнув на них? Черта с два!

Джон Райан обнял своих возмутительных сыновей за плечи, неторопливо выбрал каждому по шоколадному печенью из банки, стоявшей на полке за баром, и вывел обоих так, словно они были почетными гостями, а не его собственными детьми, нарушившими строжайшее правило – не приходите в семейную пивную.

Но Кейт ничем не выдала своего негодования, иначе Джон ускользнул бы, заявив, что хочет ссоры меньше всего на свете. Заставить его раскаяться в содеянном можно было только одним способом – говоря спокойно. Так, словно она полностью довольна своей жизнью.

«Интересно, как с этим справлялась Богоматерь?» – на мгновение подумала она, но тут же поняла, что у Марии в Назарете не было подобных проблем. Нигде не упоминалось, что она практически в одиночку руководила мастерской плотника Иосифа и одновременно работала у местного адвоката. Возмущение Кейт не имело границ.

Наконец последний пьяница ушел домой. Кружки были вымыты, помещение проветрено, на стойке сушились тряпки для мытья посуды. Кейт очень устала; у нее уже не было сил перечислять свои обиды.

Муж улыбнулся ей и спросил:

– Налить тебе портвейна?

– Иисус, Мария и Иосиф! Только утреннего похмелья от портвейна мне и не хватало!

– Всего по рюмочке. Мы возьмем их в сад, и я расскажу тебе, что хочу с ним сделать.

Она закусила губу. Джон был большим ребенком.

– Ну? – Он достал бутылку и рюмки.

Кейт слишком устала.

– Сейчас. Только сполоснусь. – Она сняла прилипшую к спине бело-голубую хлопчатобумажную блузку и осталась в лифчике и темно-синей юбке. «Запахавшаяся красавица», – подумал Джон и прикоснулся к длинным темным кудрям жены, перехваченным узкой синей ленточкой.

– С ума сошел! А если кто-нибудь пройдет мимо окна? – прошипела Кейт, отводя его руку.

– Это ты у нас полуодета. У меня вид вполне приличный, – засмеялся Джон.

Блузка висела на спинке стула. К утру высохнет. Кейт умылась в раковине, предназначенной для мытья кружек.

– Если хочешь в сад, то пошли, – сказала она резче, чем намеревалась. Как-никак Джон назвал боковой двор садом. Уже шаг вперед.

В лунном свете двор выглядел куда лучше, чем днем. Джаффа сидела на заборе неподвижно, как статуя. Леопольду снились колотушки и другие печальные события его нелегкой жизни. Во сне он то и дело взвизгивал. Из курятника доносилось негромкое кудахтанье.

Джон сложил мешок и положил его на перевернутый бочонок.

– Я хотел спросить тебя насчет черепахи.

– Ни за что! – В ее глазах вспыхнул гнев. – Джон, ей-богу, это несправедливо. Ты вечно с ними сюсюкаешь. «Попроси бедного старого папочку, он такой добрый, что растает от одного твоего взгляда. А мамочка – вредная старая мегера». Дети растут с этой мыслью. Так нечестно.

– Они так не думают.

– Нет, думают. А если ты позволишь им взять черепаху, убедятся окончательно. Думаешь, мне действительно нужна эта вонючая тварь, которая смотрит на меня из своего торфяного домика, как персонаж фильма ужасов? Мне сто раз снилось, что она сдохла, мы устроили ей похороны и все кончилось.

– Знаешь, они живут долго. Можно и не дожидаться, – улыбнулся он.

Но Кейт сдаваться не собиралась.

– Нет, черепаху они не получают. Они нарушили запрет. Явились в пивную, одетые как дети, для которых собирают одежду во время благотворительных акций. Ты сам видел такие фотографии. Они хуже Леопольда. Делают вид, что их никогда в жизни не кормили и не мыли.

Кейт Райан была очень обижена.

– Я когда-нибудь отменял твои распоряжения? – спросил Джон.

– Нет, но ты пытаешься отговорить меня. Джон, мы должны быть заодно, иначе нам никогда не удастся научить их уму-разуму.

– Полностью согласен.

– Но?..

– Никаких «но». Просто согласен, и все.

– Если так, то что мы будем делать с этой чертовой черепахой? Что ты хочешь предложить?

– Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать. – Джон взял ее за руку и показал, где хочет построить большой вольер для кур. У птиц будет свобода, но ограниченная. А остальное место займет сад. С альпийской горкой и высокой клумбой. Она всегда говорила, что будет с удовольствием выращивать цветы.

– Ты же говорил, что будешь писать стихи.

– Кейт, это не конвейер, где можно закручивать гайки, а в конце концов получить стихотворение, – с достоинством ответил Джон.

– Знаю, знаю, – тут же раскаялась Кейт.

– Когда у меня ничего не вышло, я подумал о тебе и решил составить план сада.

– Очень мило с твоей стороны.

– Я поговорю с Джимбо Дойлом. Он поработает у нас пару дней и разобьет несколько грядок. Думаю, получится красиво.

– Да, наверное. – Она была тронута. Теперь начинать атаку на мужа не имело смысла. В глазах Господа это было бы черной неблагодарностью.

– Сегодня я был в Фернскорте. Там всюду лежат кучи камней. Мы можем взять несколько подходящих. Джимбо привезет их на тачке.

– Вряд ли эти камни кому-то принадлежат, – слегка ворчливо сказала Кейт. А потом чуть мягче добавила: – Это будет замечательно.

– А что касается черепахи, то я не собираюсь отменять твой приказ. Какой в этом смысл? Но я подумал вот что: теперь, когда у кур появится вольер, кому-то придется правильно кормить их, делать смеси с отрубями...

– Да.

– Может быть, поручим это нашим двум охламонам? По-моему, они вполне способны с этим справиться. Будут кормить кур дважды в день... А в качестве поощрения можно позволить им взять черепаху. Тогда она перестанет смотреть на тебя из своего торфяного домика как доисторическое чудовище. Что скажешь?

Кейт попыталась скрыть улыбку, но у нее ничего не вышло.

– Что скажу? – невольно рассмеявшись, повторила она. – Что меня можно убедить. Но...

– Но разрешение должно исходить от тебя. Если идея тебе по душе, то ты ее и предложишь. – Тут Джон был тверд.

– Догадываюсь, что Дару ты тоже сумел уговорить, – с восхищением сказала Кейт. – Тебя следовало бы послать в Женеву улаживать международные конфликты.

– Бедная девочка очень расстроилась. Рушится ее волшебная страна. Пришлось развеивать ее иллюзии. А это самое неблагоприятное занятие на свете.

– Особенно для таких людей, как ты, которые сами живут в воздушных замках, – с легкой завистью сказала Кейт и нежно поцеловала мужа в губы, еще хранившие вкус портвейна.

Глава 3

В тот вечер Майкл сидел на угловом диване у окна лестничной площадки и смотрел на Фернскорт, озаренный лунным светом.

На поросших мхом пригорках развевались полотнища плюща. Теперь, когда некоторые раскидистые деревья и кусты вырубил, развалины были видны лучше, чем прежде.

Эдди и Деклан уже давно спали в своей двухъярусной кровати. Какое-то время Майкл читал с фонариком, но не мог сосредоточиться на приключениях рыцаря, спасавшего золото-власую леди Араминту. Ему хотелось видеть реальную жизнь, которую воплощал Фернскорт. Мальчик долго любовался тенями, падавшими на зеленые берега и тянувшимися к дому.

А потом увидел движущуюся фигуру. Никто никогда не ходил туда ночью. Майкл встал на колени и открыл окно, чтобы лучше видеть. Это был пожилой мужчина, старше отца. Он бродил по участку, засунув руки в карманы и осматривая стены. Иногда трогал мох и отводил в сторону плющ. Майкл встал коленями на диван и стал следить за фигурой, то скрывавшейся за разрушенными стенами, то появлявшейся вновь. Внезапно мальчик ощутил, что кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел отца в пижаме.

– Папа, я думаю, он приехал. Думаю, он здесь.

– Кто?

– Американец. Наверное, это он пришел в наш дом. – Лицо мальчика белело в темноте, которую нарушал лишь лунный свет, пробивавшийся через стекло.

Джон Райан выглянул в окно и тоже увидел человека, который бродил вокруг дома, временами трогал стены и даже любовно похлопывал их уцелевшие куски. Мужчина был виден как на ладони и понятия не имел, что за ним наблюдают.

Майкл соскочил с дивана.

– Нужно разбудить Дару, – тревожно сказал он.

– Подожди, Майкл.

– Но это наш дом, а он там. Он все-таки приехал. Люди говорили, что он вряд ли захочет жить здесь. Но посмотри на него. Он собирается жить в Фернскорте. Или нет?

Джон сел на диван и слегка приподнял ноги, чтобы не касаться холодного линолеума.

– Майкл, не буди ребенка.

– Дара не ребенок, она на двадцать минут старше меня.

– Это верно. Она такой же ребенок, как и ты.

Лицо Майкла приняло мученическое выражение.

– Папа, она должна это знать.

– Ничего подобного.

– Но ведь это и ее дом.

– Майкл, это его дом. – Джон показал на человека за рекой.

– Знаю, знаю. – Худые плечи мальчика напряглись. Он был растерян и не знал, что делать.

– Дай мне что-нибудь подложить под ноги, пока они не превратились в ледышки. Иначе по возвращении в постель я заморожу твою мать.

Майкл порылся в куче комиксов и книжек, лежавших на диване, и достал потертую подушку.

– Подойдет?

– Вполне. Спасибо, сынок.

Майкл слегка успокоился, сел рядом и стал смотреть в окно. Похоже, он раздумал будить сестру и весь дом в придачу и приготовился к серьезному разговору.

– Знаешь, когда я был в твоём возрасте, мы тоже ходили туда играть. Твой дядя Барри был настоящим скалолазом. Он мог забраться куда угодно, хотя уцелевших стен тогда было больше.

Майкл уставился на отца во все глаза.

– И твоя тетя Нуала тоже. Австралийские мальчики и девочки ужасно удивились бы, если бы узнали, что их мать-настоятельница в детстве лазила по деревьям, как мальчишка. Она завязывала юбку на талии и ни в чём не уступала твоему дяде Барри.

– Папа, а ты что делал?

– Смотрел на них. Так же, как на вас смотрит бедняга Эдди, – вздохнул Джон. – Насколько я помню, они всегда меня прогоняли.

Майкл воспринял слова отца как упрек.

– Папа, в детстве ты наверняка был очень хорошим. Но, честно говоря, ты тоже не вынес бы, если бы Эдди все время путался у тебя под ногами.

– Знаю. Не стану спорить, Эдди способен вывести из себя и святого. Но сейчас речь не об этом. Я говорю о старых временах и наших тогдашних проделках...

Он говорил вполголоса, чтобы не разбудить Кейт: если бы жена проснулась, то пулей вылетела бы на лестничную площадку. И в то же время достаточно громко, чтобы у Майкла сложилось впечатление, будто они ведут обычный разговор в обычное время.

Джон погрузился в воспоминания о детских играх, с трудом предотвращенных несчастных случаях, полицейских на велосипедах, двух молодых волах, сбежавших с огороженного пастбища на вершине холма. Он говорил до тех пор, пока не увидел, что у его бледнолицего сына начали опускаться веки. Сон наконец пришел. Майкл не станет будить Дару и всю ночь беспомощно следить за тем, как незнакомец бродит вокруг дома, который им все еще хотелось считать своим.

* * *

В ту ночь старый мистер Слэттери не мог уснуть и спустился согреть себе молока. Поставив кастрюльку на плиту, он сел за стол, задремал и не почувствовал запаха гари, пока не прибежал Фергус с вытаращенными глазами.

– Не отсылай меня в сумасшедший дом! – заплакал старик. – Не надо! Я стану наливать молоко в термос. Больше никогда не буду его кипятить. Пожалуйста!

Фергус залил сгоревшую кастрюльку водой и открыл окна.

– Отец, ты что? Неужели ты считаешь, что я способен отправить тебя в сумасшедший дом?

– Если бы я был не в своём уме, тебе пришлось бы это сделать, – рассудительно ответил мистер Слэттери.

– Да, но ты в своём уме. Впрочем, будь по-другому, я бы все равно этого не сделал.

– Почему? Это было бы правильно. Мы сами часто советовали это клиентам.

– Ты не клиент. Ты мой отец.

– У тебя должна быть личная жизнь.

– О господи, у меня есть личная жизнь! Сегодня вечером я уезжал из дома и только что лег. Именно поэтому запах молока почуял мой нос, а не нос мисс Пёрселл.

– Я для тебя балласт. Не ударяю в конторе палец о палец.

– Никакой ты не балласт. Работы в конторе все равно кот наплакал.

– Я забросил дела. Иначе почему нам не доверили заниматься Фернскортом?

– Так вот что тебя мучает! Я скажу тебе, почему. Этот твой О'Нил там большая шишка, у него полдюжины ресторанов, баров или как они там называются... У него есть и другой бизнес, он платит счетоводам и адвокатам большие гонорары. Он решает что-то открыть здесь, адво-

каты смотрят на карту и твердят: «Ирландия... Ирландия... где это?» Потом они ее находят и говорят: «Какая там столица, какая столица?» Затем кто-то говорит им про Дублин, и они обращаются к тамошним поверенным. Вот и все.

– У тебя все получается очень просто. Думаю, приезд этого американца пойдет городу на пользу. Он уже обеспечил кое-кого работой.

– У нас осталось молоко. – Фергус вскипятил еще одну кастрюльку. – Мы скажем мисс Пёрселл, что я напился и не уследил за пенкой... Американец? На пользу? Да уж. Подозреваю, что этот напыщенный болван будет думать только об охоте и рыбалке. Мы знатно повеселимся. Переживать из-за какого-то американца! Ей-богу, у нас давно не было такой потехи. Не могу дождаться его приезда.

* * *

В ту ночь сержант Шихан кое-что обнаружил. На пешеходном мостике у окраины кто-то лежал в очень неудобной позе – раздвинув ноги и откинув голову. Сержант Шихан был коренаст, в свое время играл в травяной хоккей и имел мохнатые брови, с помощью которых при желании мог напугать любого. Но в последнее время он начал толстеть от мирной и неторопливой жизни в провинциальном городке. Высокий воротник мундира все сильнее сдавливал ему горло, а когда сержант застегивал пуговицы, на его шее собирались складки жира.

Сейчас он расстегнул несколько пуговиц и посмотрел на спавшую женщину. Это была мисс Барри, экономка каноника. Час ночи. Самое подходящее время для того, чтобы отрубиться и захрапеть. Сержант придал ее ногам более пристойное положение и пошел на участок обдумать это дело. Он не знал, что предпринять. Будить каноника и сообщать ему неприятную новость не следовало. Позволить, чтобы мисс Барри обнаружил в таком виде кто-нибудь другой, тоже нельзя. Но конечно, хуже всего была бы попытка разбудить мисс Барри. Какая жалость, что рядом нет миссис Уилан! Он пошел вверх по Бридж-стрит. В окнах почты еще горел свет.

Сержант негромко постучал в дверь. Ему открыла полностью одетая почтмейстерша.

– Шейла, вы когда-нибудь спите? – с облегчением спросил Шихан.

– В последнее время редко. Телеграммы приходят в самое неурочное время. Они понятия не имеют, когда мы спим, а когда бодрствуем, – ответила миссис Уилан.

Услышав рассказ полицейского, почтмейстерша задумалась. Лучше всего дать поспать бедняжке еще часа три-четыре; возможно, тогда она очухается. Жаль, у нее нет ничего подходящего, чтобы подложить мисс Барри под голову, но сержант что-нибудь придумает.

– Я встаю рано, – сказала миссис Уилан. – Часов в шесть оболью ее водой, а потом мы сделаем вид, что она проснулась ни свет ни заря, пошла за грибами для завтрака каноника и упала в речку.

Сержант не знал, как ее благодарить. Миссис Уилан ответила, что говорить не о чем; она польщена тем, что к ней обратились за советом. А теперь, если сержант не возражает, она пару часов поспит.

* * *

Патрик О'Нил уже много лет не проводил на ногах всю ночь. Он пытался вспомнить, когда это было. Наверное, в тридцатых, во времена Великой депрессии, когда он неделями грузил по ночам коробки и ящики, оказывая людям услуги и помогая вывозить со складов товары. Считал, делал заметки, доказывал свою необходимость. Говорил итальянцам и полякам с длинными фамилиями, что на Патрика О'Нила всегда можно положиться. Он привык

произносить свое имя с гордостью; оно звучало как заклинание. В те дни он говорил о себе в третьем лице: «Патрик О'Нил вас не подведет. Вы можете рассчитывать на Патрика О'Нила».

Сначала они могли рассчитывать на него и его грузовик, а потом на целую когорту водителей грузовиков, которые не задавали лишних вопросов и перевозили то, что было нужно перевезти.

А затем имя Патрика О'Нила прославили все окрестные бары. Он одним из первых приветствовал отмену сухого закона и стал наслаждаться богатством, нажитым именно благодаря этому закону. Итальянцы и поляки, обеспечивавшие его работой в годы застоя, тоже не были забыты. Когда жизнь стала не такой опасной, Патрик О'Нил начал приглашать их в свои бары-рестораны вместе с женами и принимал их с уважением. Дарил цветы женам и понимающе улыбался, когда кто-то вместо жены приводил подружку. Они ценили уважение и поставляли ему новых клиентов. Но это означало множество бессонных ночей. И была еще одна ночь, когда он снова и снова просматривал грессбухи, а на рассвете пришел к выводу, что его обжулил свой же брат-ирландец. Он пришел к дому Тома Брэди в семь утра, расхристанный, с красными глазами.

Том Брэди все понял и попытался сбежать.

– Миссис Брэди, – спокойно сказал Патрик О'Нил, – увезите детей на денек, ладно? К родственникам. И пусть они не возвращаются до вечера. Да, и заодно уберите из гостиной все безделушки и украшения.

– Патрик, это не кино! – начал кипятиться Том.

– Конечно. Иначе ты бы уже давно лежал на полу мертвый. И поделом.

Жена Тома Брэди ахнула.

– Возьми детей, – сказал ей Том, – и сделай то, что он сказал. Он не собирается меня убивать.

Патрик бил его с остервенением, о наличии которого и не догадывался. С каждым ударом он хрюкал и приговаривал: «Вот тебе!» Вот тебе за притворные улыбки и выпивку после очередного мошенничества. Вот тебе за ни в чем не повинного итальянца, склад которого ты заставил меня сжечь два месяца назад. Вот тебе за подло украденные бутылки, которые выносили в мусорных ведрах, а потом приходили, рылись в баках и забирали. Вот тебе за премию, полученную на Рождество. И последний, самый сильный удар – за то, что ты, ирландец, обманул другого ирландца. Да, верно, в ту ночь он не спал ни минуты. Как и в ту ночь, когда встретил Кэтлин.

Он не собирался ни жениться, ни влюбляться. На это у него не хватало времени. Сначала не было работы, потом ее стало слишком много, а потом пришла ответственность, поглощавшая все его силы. Для семьи не оставалось ничего. Но Кэтлин была веселой, хорошенькой, с лукавыми глазами и длинными светлыми волосами, собранными в узел на макушке. Бары и рестораны Патрика вызывали у нее восхищение. Она много раз повторяла, что Америка – страна сбывающихся надежд и что ей жаль людей, живущих в других местах.

– Кроме Ирландии, конечно, – говорил ей Патрик.

– Ирландии в том числе, – отвечала она, взбивая кудри.

Это было единственное, в чем они расходились. Иногда между ними вспыхивали ссоры, но они не имели большого значения; Патрик знал, что, когда он будет готов вернуться (он говорил «вернуться», хотя сам никогда не жил в Ирландии), Кэтлин поедет с ним. Он не хотел признавать того, что Кэтлин, здоровье которой неуклонно ухудшалось, перестала строить планы: ей было все равно где жить, в Нью-Йорке или в Ирландии. С годами Кэтлин, которая привыкла садиться на стол в новом баре и рассматривать ткань на свет, выбирая самую подходящую для штор, потеряла интерес ко всему, кроме большого белого дома в Нью-Джерси, а в последнее время даже этот дом стал ей безразличен.

Болезнь Кэтлин не заставила Патрика потерять сон; он был уверен, что жена поправится. Не верил плохим диагнозам и прогнозам развития болезни. Наверное, в последний раз он всю ночь провел на ногах, когда родился Керри. В 1947-м. Роды проходили на дому. Врачи говорили Патрику, что они будут долгими и трудными, хотя в то время Кэтлин была еще молодой и здоровой. Он всю ночь расхаживал из угла в угол, пытался читать, делал все, чтобы отвлечься от криков, доносившихся сверху. А на рассвете уже держал на руках сына. Крошечное сморщенное личико Керри было ужасно трогательным. Патрик проглотил комок в горле и поклялся, что этому мальчику никто не причинит вреда, что он вернется в Ирландию и с высоко поднятой головой войдет в родной город.

Он со слезами на глазах прижимал к себе маленькое тельце и думал о своем отце. Что чувствовал никчемный дружелюбный пьяница Майкл О'Нил, когда держал в объятиях его, Патрика? Может быть, тоже хотел, чтобы его сын вернулся в Маунтферн? Вряд ли. Двадцатилетний Майкл О'Нил, его родители, братья и сестры уехали из Маунтферна, потому что там не было работы и потому что его отца выбросили на улицу. Майкл не собирался возвращаться и не думал, что это возможно. Он пел песни об Ирландии, рассказывал сказки и внушал юному Патрику ненависть к роду Фернов, с представителями которого никогда не сталкивался.

Патрику было восемь лет, когда он услышал, что дом Фернов сожгли. Об этом сообщалось в письме. Но тогда для О'Нилов это уже ничего не значило. Никто из О'Нилов не следил за тем, как пламя выбивалось из окон дома. Дома, в котором жила семья, доведшая их до нищеты.

Патрик О'Нил прикасался к замшелым камням и прислонялся к покрытым плющом стенам со священным трепетом. Лунный свет помог ему пробраться в комнату, еще сохранившую стены. К его удивлению, там стояли ящики из-под апельсинов, заменявшие мебель, и кукольный чайный сервиз. Сомневаться не приходилось: здесь играли какие-то местные дети. Горшочки из-под джема, наполненные полевыми цветами, заставили его улыбнуться. Интересно, кто эти дети? Конечно, при Фернах их и на порог не пустили бы. Патрик с радостью увидел бы лица этих детей в тот момент, когда они услышат о его планах на эти старые развалины.

* * *

Миссис Уилан увидела его первой. Она только что привела мокрую мисс Барри в пре-свитерскую, где отец Хоган и каноник Моран стали причитать, узнав о несчастье, приключившемся с их экономкой. Миссис Уилан даже принесла немного грибов в доказательство того, что бедная женщина хотела порадовать своих хозяев. Возвращаясь на почту, она увидела человека в мятом костюме и распушенном галстуке, шедшего по Бридж-стрит ко взятой напрокат машине. Никем другим этот человек быть не мог.

Красивый и бледный Патрик О'Нил был в непривычном для него темном костюме. Обычно этот крупный и широкоплечий мужчина с кудрявыми каштановыми волосами носил желто-коричневые или бежевые куртки. Мало кто в Штатах видел его в темном. Даже на официальных приемах он надевал зеленый смокинг, подчеркивая свое ирландское происхождение.

Конкуренты часто говорили, что этому коренастому ирландскому мужику пристало подметать улицы. Но Патрика такие разговоры только радовали. Он говорил, что с удовольствием носит черты своих предков; это доказывает, что им приходилось упорно работать, но они сумели выжить. Но его лицо не было лицом кулачного бойца, готового тут же вступить в драку. У него не было ни хмурого взгляда боксера, ни низкого лба человека, который с трудом переносит жизненные тяготы. Его лицо было широким и открытым, глаза – голубыми и озорными. Их уголки окружала сетка смешливых морщинок; казалось, он улыбался даже тогда, когда и не думал этого делать.

Он оказался моложе и привлекательнее, чем ожидала Шейла. Но чего она могла ожидать, зная этого человека только по горам адресованных ему телеграмм и телексов? Этот мужчина заслуживал, чтобы с ним поздоровались.

Миссис Уилан перешла улицу.

– Добро пожаловать в Маунтферн, мистер О’Нил, – тепло сказала она.

Патрик посмотрел на нее с благодарностью:

– Как вы догадались, что это я? Может быть, вы знали моих родителей?

– Кем же еще вы можете быть, как не мистером О’Нилом? У меня вся почта завалена адресованными вам телеграммами и посланиями. Не хотите зайти на чашку чая? Заодно я передам вам корреспонденцию.

– Вот это оперативность! – Он откинул голову и рассмеялся.

Миссис Уилан провела его через почтовое отделение в свою комнату, располагавшуюся в задней части дома, посадила разбирать послания и поставила чайник. Она молчала до тех пор, пока не наполнила две чашки и не намазала маслом несколько кусков содового хлеба. «Да, очень красивый мужчина, – с легкой улыбкой подумала она. – В городе начнется переполох».

Патрик прочитал телеграммы Джерри Пауэра – человека, который много лет назад заменил Тома Брэди на посту его заместителя. Потом быстро пробежал телеграммы Рейчел и сунул их в другой карман. Выпив чая и съев толстый ломоть хлеба с маслом, он ощутил, что в его тело возвращается тепло. Славная женщина эта миссис Уилан. Ни любопытства, ни болтовни, характерной для многих женщин, рассказывающих о своих делах и желающих узнать о твоих. Если в Маунтферне все такие, то он сделал самый умный шаг в своей жизни.

Несмотря на молчаливое, но явное неодобрение Джерри Пауэра.

Несмотря на ошеломленные и обиженные глаза Рейчел Файн.

Несмотря на смущенный лепет маленькой Грейс.

И на насмешливый взгляд Керри, его высокого светловолосого сына. Мальчика, которого он обещал вернуть домой. Мальчика, который в последнее время говорил с ним очень мало, и Патрик не знал, что у него на уме.

* * *

Фергус пытался представить себе жизнь поверенного в большом городе, где человек не имеет представления, что ему принесет новый день. Интересно, в другом месте он мог бы стоять на пороге, потягиваться и обмениваться репликами с прохожими, первый из которых спросит, не болит ли у Фергуса спина так же, как у его отца, второй передаст привет мисс Пёрселл, а третий посоветует покрасить чересчур мрачные ящики для цветов? И все же он не стал бы ничего менять. Всегда есть возможность удрать и заняться личной жизнью, как он сказал отцу вчера вечером. Уехать за двадцать пять миль на танцы, устраивавшиеся клубом любителей регби. Там были замечательные девушки, не ждавшие, что на следующее утро после поцелуев и объятий, предусмотренных программой, их поведут в ювелирный магазин Мигера.

Он увидел Кейт Райан, свернувшую с Ривер-роуд на Бридж-стрит. Она тоже заметила Фергуса и помахала ему рукой:

– Вышли на улицу с секундомером, чтобы засесть, на сколько я опоздаю?

– Просто жду колоколов, звонящих к мессе, чтобы уволить вас после последнего удара...

Нет, на самом деле я вышел, чтобы как следует потянуться.

– Вы выглядите как юный греческий бог. Хорошо провели время в Балликейне вчера вечером?

Удивленный Фергус опустил руки:

– Откуда вы знаете, где я был?

– Я танцевала рядом с вами. Неужели вы меня не видели?

– Не морочьте мне голову. Вас там не было. Кто вам сказал?

– Джек Койн. Какой-то малый не сумел завести машину, позвонил Джеку в разгар ночи и попросил за ним приехать.

– О боже, в этом городе не развернешься, правда? Ужасное место. Никаких сюрпризов.

– Неправда, вовсе не ужасное. Хотите сюрприз?

Когда они, дружески беседуя, вошли в контору, чтобы начать новый рабочий день, забили церковные колокола. Звонить начинали без десяти девять, давая знать, что пора надевать шляпы и идти на дневную мессу. Ранние пташки, уже посетившие семичасовую утреннюю мессу, рассказывали, что проповедь читал сбитый с толку отец Хоган, думавший не столько о службе, сколько о пьяной и мокрой экономке.

– Нет, не хочу, – ответил Фергус. – Несколько часов назад мой отец чуть не сжег дом, а теперь я узнаю, что Джек Койн знает все подробности моего непристойного вчерашнего поведения.

Кейт села за письменный стол и начала разбирать почту. После внедрения новой системы хранения документов эту работу они делали вместе, Кейт хотелось удостовериться, что молодой поверенный может не только найти письмо, но и правильно подшить его. На его знаменитый стол у окна, куда в прежние дни попадали все документы, она поставила вазу с цветами, пресс-папье и стаканчик с ручками.

– Думаю, пока хватит с меня сюрпризов. – Фергус с непривычки сбросил на пол кипу документов, смущенно поднял их и положил во вращающийся лоток, привинченный к столу.

– Есть поговорка «Бог троицу любит», – рассеянно сказала Кейт и начала читать письмо, доставленное с посылным. Патрик О'Нил поручал адвокатской конторе «Слэттери и Слэттери» вести его дела, связанные с постройкой отеля и лицензированной пивной. Поскольку он собирается жить здесь, то будет очень рад, если его интересы станут представлять местный поверенный.

– Боже всемогущий, он собирается строить здесь отель! – вскочила Кейт.

Фергус подошел и стал читать письмо, стоя у нее за спиной.

– Я не буду представлять его интересы. Пусть ищет себе другого атторнея, советника или как там их называют в Штатах, – после долгого молчания сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.